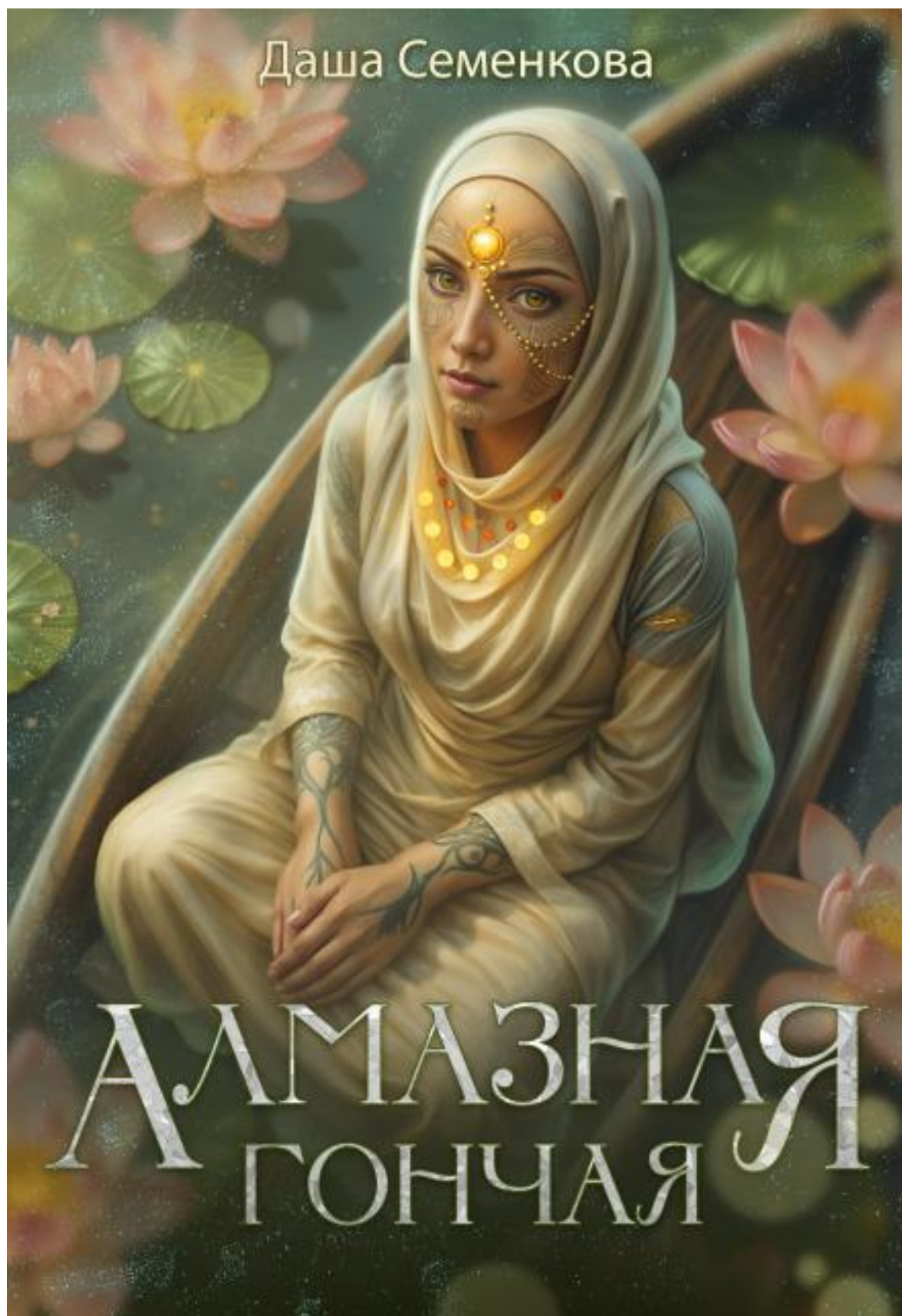

Даша Семенова

АЛМАЗНАЯ ГОНЧАЯ

Даша Семенова

Алмазная гончая

«Литнет»

2022

Семенова Д.

Алмазная гончая / Д. Семенова — «Литнет», 2022

Она – хладнокровный и беспощадный воин религиозного ордена. Одна из легендарных Алмазных гончих, оружие в борьбе против демонов и еретиков. Палач с ангельским лицом. Он – наемник без рода и племени, обаятельный мерзавец с дерзким взглядом. Пара верных пистолетов, в каждом городе по подружке, ни дня без приключений. Каждый из них привык полагаться лишь на себя, никого не любит и никому не верит. Он убивает за деньги, она – по приказу. Она ценит одиночество, он ни на что не готов променять свободу. Смогут ли они стать друг для друга чем-то большим, чем просто попутчиками? Ведь в ледяном сердце убийцы нет места для любви.

© Семенова Д., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

1.	5
2.	12
3.	16
4.	21
5.	26
6.	31
7.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

1.

Когда Кэйлани вошла, разговоры сразу стали тише, чей-то смех резко оборвался и взгляды всех, кто был в этом душном, грязном и шумном кабаке, устремились к ней. Сопровождавший ее охранник – хайян, вольнонаемный из Ордена Алмазного сердца, в который раз попытался разгадать, что отражалось в этих взглядах, брошенных исподволь. Страх? Неприязнь? А может, ненависть? Уж точно не почтение и не мужской интерес, хотя при иных обстоятельствах эта женщина наверняка бы его вызвала.

Она была красива хрупкой красотой фарфоровой куклы. Маленькая и тонкая, с почти детским лицом и глазами олененка, подчеркнутыми изящными линиями татуировки. Воплощенная юность, невинность и чистота, совершенное творение природы – если не знать, кто она на самом деле. Судя по тому, как поспешно отводили глаза завсегдатаи трактира, они знали.

Впрочем, не в такую уж глухомань забрались Кэйлани со спутником, чтобы местные не слышали об Алмазных гончих и не имели представления, как те выглядят. А сейчас она была в полном облачении – кипенно-белые одежды, голова покрыта, ни один волосок не выбивается, на украшенных ритуальными татуировками лице и руках кольца, цепочки и подвески с крохотными сияющими кристаллами каменных слез. Чтобы каждый встречный сразу понимал, что имеет дело с живым оружием Ордена, неумолимым воином на страже справедливости.

Безжалостной убийцей со взглядом змеи.

Хайян всю дорогу старался избегать этого взгляда и сейчас посматривал на вверенную его охране персону исподтишка, лишний раз не привлекая к себе ее внимания. Здоровенный детина, которого воины его отряда за глаза называли медведем, боялся малявки, ростом не доходящей до его подмышки, и даже не стыдился этого.

Она совершенно не смутилась обществом пьяниц, бродяг и шлюх, не растерялась и не стала озиаться. Лишь чуть повернула голову направо, затем налево, равнодушно оценив возможные риски и найдя нужную цель – хозяина, возвращавшегося к своему месту за стойкой.

– Я ищу человека по прозвищу Шершень, – подойдя к нему, проговорила она.

Хозяин вежливо поклонился и сухо ответил, что человек этот хоть ему и знаком, но здесь его нет, и где его искать – неизвестно. Все, что он, хозяин, может предложить многоуважаемой гостье, это обед и, если она пожелает, выпивку.

– Свободных комнат для ночлега у нас не осталось, все битком, – закончил он, растягивая губы в вымученной улыбке.

– Он должен встретиться со мной здесь, – сказала Кэйлани, не отводя взор от трактирщика. Тот не выдержал, потупился и принялся усердно тереть стакан грязной тряпкой. – Вы бы послали за ним, а я подожду.

Она выбрала отдельный стол напротив входа и направилась к нему. Троица разбойничьего вида мужчин при ее приближении молча поднялась, прихватив свое пиво. Выражение их лиц было недовольным, но никто не осмелился даже косо посмотреть на Алмазную гончую.

Кэйлани села, хайян устроился напротив. Тут же прибежала девица с подносом, споро убрала со стола, услужливо кланяясь, дрожащим голосом спросила, что желает госпожа. Госпожа велела принести стакан молока. Охранник не отказался бы от хорошей кружки вина, но при ней попросить не решился.

Потянулись невыносимо долгие минуты ожидания. Кэйлани неподвижно сидела, выпрямив спину и отрешенно уставившись перед собой. Ни дать ни взять, мраморная статуя. Хайян маялся, не зная, чем занять руки, и от нечего делать ковырял ногтем шов на кожаных ножнах своего кинжала. Он ненавидел ждать, не умел сидеть без дела, а близость Кэйлани нервировала. За три дня пути так и не получилось к ней привыкнуть и ни разу не вышло нормально

поговорить. Она вообще была немногословной, открывала рот только чтобы дать распоряжения, все больше смотрела этим своим ледяным взглядом. Чистая змеища, а не баба.

– Где его демоны носят, этого наемника! – наконец не выдержал хайян и тут же пожалел о своей импульсивности. Впрочем, Кэйлани даже не обернулась.

– Тебе вовсе не обязательно дожидаться его, – отозвалась она. – Ты должен был сопроводить меня до этого города и выполнил поручение. Можешь возвращаться в столицу.

Хайян рад бы, но если начальство узнает, что он сбежал, не передав вверенную ему особу под опеку нового провожатого, ничего хорошего не жди. И он продолжал считать минуты, с тоской поглядывая на дверь и спиной чувствуя напряженное недовольство завсегдатаев кабака. Слуги Ордена были здесь нежеланными гостями, да и вряд ли в мире нашлось бы место, где им бы обрадовались.

Шершень явился нескоро. Хайян сразу его узнал, хотя видел впервые – такую яркую внешность не пропустишь. В отличие от них самих, наемнику в заведении были рады: стоило ему возникнуть на пороге, как раздались приветственные возгласы, даже повисшее в воздухе напряжение вроде бы ослабло.

Он наверняка сразу заметил Кэйлани, но вида не подал. Вошел, махнул рукой трактирщику, подмигнул молоденькой подавальщице, которая зарумянилась и улыбнулась в ответ, поздоровался с компанией забулдыг за ближним к нему столом, перекинулся парой слов с их соседями. Только потом неторопливо направился в сторону Алмазной гончей и ее спутника, позволяя как следует себя рассмотреть.

Хайяну рассказывали, что Шершень – парень непростой, и про его экстравагантную внешность тоже, но одно дело слышать, другое – увидеть воочию. Наемник производил впечатление. Среднего роста, поджарый, широкоплечий, он двигался с непринужденной грацией хищника. Одет он был в грубые штаны, высокие ботинки и вышитую безрукавку на голое тело, открывавшую покрытые татуировкой плечи и литые мускулы. На широком поясе – два пистолета и, будто их недостаточно для устрашения, ножны длинной едва не до колена. Как только с его тощей задницы штаны не падают! Темно-рыжие, цвета мокрой ржавчины волосы полосами выбриты на висках, а на затылке собраны в длинный хвост. Щеку наискось пересекает шрам.

Яркий парень, что и говорить. И смазливый, девкам такие нравятся. Почему-то Шершень с порога не внушил хайяну симпатии, но за то, что тот наконец прибыл, он готов был все простить.

– Привет, – фамильярно проговорил наемник, наглым образом развалившись на лавке напротив Кэйлани. – Долго пришлось ждать? Я что-то время не подрассчитал чутка.

Ни извинения, ни неловкости в голосе. И нахальный взгляд, с нескрываемым любопытством изучающий Алмазную гончую. Та взмахнула длинными ресницами, посмотрела на наемника в своей манере, но тот ни капли не смутился, напротив, в зеленоватых звериных глазах словно искры зажглись. Почуял соперника, догадался хайян со злорадством. Теперь будут обнюхиваться как псы да скалить зубы, пока не выяснят, кто главней. Даже интересно стало, кто кого.

– Ты Шершень? – холодно спросила Кэйлани.

– Он самый, – ухмыльнулся наемник, блеснув белыми зубами. – Только вот мне не сказали, как твое...

– Бумаги, – перебила она, протягивая маленькую ладонь с тонкими пальцами.

Не переставая скалиться, он извлек из нагрудного кармана конверт и передал Кэйлани. Она достала письмо, прочла, вернула владельцу и кивнула своему спутнику, с плохо скрываемым любопытством наблюдавшему за этой сценой.

– Можешь быть свободен. Дальше меня будет сопровождать этот господин.

– Что мне следует доложить Его Преосвященству? – спросил хайян. Господин, ну надо же! Господин оборванец.

– Что сочтешь необходимым.

И все. Ни прощания, ни пожелания легкой дороги. Вежливость этой стерве совершенно чужда, как и все человеческое. Хайян откланялся и пошел на выход, с каждым шагом чувствуя себя все лучше. Будто сбросил с шеи ценный, но опасный и тяжелый груз. Едва за спиной захлопнулась дверь, он выдохнул с облегчением.

– Вот же зловедная баба, – прошептал одними губами. – Ведьма, будь ей неладно.

Тем временем ведьма, она же змеища, изучала нового провожатого, сохраняя бесстрастное выражение лица и выдерживая паузу. Пусть первым заговорит (а он заговорит, не из тех, кто может подолгу выносить тишину и неподвижность), выдаст свое любопытство. Любопытство – слабость. И неспособность сохранять невозмутимость – тоже. А человек по прозвищу Шершень при всей показной вальяжности этого не умел. Кэйлани чудилось, будто она слышит, как гудят его нервы. Стоит чуть задеть – взорвется.

«Нрав у него омерзительный, манеры – хуже, чем у распоследнего голодранца с большака, ни бога, ни демонов не боится, да и к земной власти почтения ни на грош, – прозвучал в памяти голос наставника. – Но дело свое знает, а главное – родом из тех мест, проведет хоть с закрытыми глазами. И сумеет разговорить тех, кого у тебя не получится напугать».

Серо-зеленые глаза напротив смотрели с насмешкой и вызовом. Не дождавшись от нее слов, скользнули по лицу, на пару мгновений задержались на губах, и ниже – по голой шее, до узкого ворота глухого платья. Он демонстративно пытался разглядеть ее тело под слоями тонкой ткани. Нарочно стараясь, чтобы Кэйлани это поняла, и все, кто наблюдал сейчас за ними – тоже.

– Назови свое настоящее имя, анакку, – ледяным тоном произнесла она, досадуя, что наемник вынудил-таки заговорить первой.

– Оно тебе ни к чему. Все зовут меня Шершнем, и ты зови, – с готовностью отозвался он и добавил: – Ади.

Прозвучало издевкой: к знатым женщинам не обращаются на «ты». И уж тем более не смеют прилюдно раздевать их глазами.

– Просто Кэйлани. У нас нет титулов. – И он наверняка это знал, как и ее имя. – Почему тебя так прозвали?

– Из-за жала, – ответил он и подмигнул, чтобы собеседница наверняка поняла похабный намек.

Но ее прекрасное лицо оставалось равнодушным, как у статуи. Нет, как у куклы, дорогой фарфоровой куколки, вроде тех, что он ребенком как-то увидел на витрине в квартале богатеев. И застыл, пораженный такой неземной красотой, стоял, гляделки пялил, пока приказчик не прогнал...

– До места еще два дня, а сегодня поздно отправляться в путь. Мне нужно где-то переночевать. Найдешь для нас жилище – и до утра иди куда хочешь. Только учти, мое утро начинается с рассветом.

Пауза затянулась, и куколка сразу перехватила инициативу. Командует. Холодно так – ни страха, ни любопытства, ни раздражения. Шершень мысленно поклялся рано или поздно пробить эту броню. Кем бы ни была, она все-таки остается женщиной, со всеми причитающимися женскими слабостями. А с их сестрой он всегда умел договориться.

– Ты могла бы остановиться здесь, – ответил он. К делу так к делу, работать он на совесть привык. – И со мной будешь под одной крышей, так спокойнее.

Никто в здравом уме не посмеет приблизиться к Алмазной гончей, даже когда та спит. Навлечь на себя гнев Ордена? И представить невозможно, какая для этого должна быть причина. И все-таки он предложил свою защиту: пусть знает, что для него она прежде всего маленькая хорошенькая девчонка.

– Тебя не предупредили? Пока не закончим, ты обязан спать со мной под одной крышей, есть с одного блюда и не отходить ни на шаг, пока не позволю.

– Продолжай, – промурлыкал Шершень, подавшись вперед.

Их разделял стол, но все же Кэйлани едва не позволила себе отшатнуться. Что-то такое было в этом человеке, что заставляло ее... Нервничать? Терять контроль? Нет, это слишком. Просто он позволял себе вольности. Она и забыла, когда в последний раз кто-то из простых смертных так с ней себя вел. Быть может, потому его и наняли? Помучить ее. Или проверить, не сорвется ли.

«Не сорвусь, – мысленно ответила она, рассматривая наемника сквозь непроницаемую маску равнодушия. – С чего вдруг? Обычный мужлан и сорвиголова, грязная обезьяна из местных. Ведет себя как дикарь и выглядит так же».

Хотя к чему было себе врать? Выглядел он... Притягательно. Даже в этом дикарском наряде. Особенно в этом наряде, открывавшем загорелое стройное тело гораздо больше, чем считалось приличным среди цивилизованных людей.

– Мы даром теряем время, – подпустив в голос скуки, проговорила Кэйлани. – Хозяин сказал, что мест у него нет, почему бы тебе не поискать что-нибудь другое, пока не стемнело? Времени для непристойностей в мой адрес у тебя еще будет достаточно. А если вместо дела предпочитаешь молоть языком, то лучше бы мне нанять другого помощника. Сейчас, пока не поздно.

Многословие. Верный признак эмоций. Конечно он заметил – в глубине глаз словно искра проскочила, губы изогнулись в нежной улыбке.

– Не понравился? Эх, а я ведь всего лишь хотел поболтать. Разрядить обстановку, коли нам надо будет из одной тарелки есть...

– Разве я дала повод думать так? – Кэйлани стиснула край стола нежными пальчиками, чуть склонилась к наемнику и взмахнула ресницами. Будто случайно показав растерянность и незащищенность. – Я просто очень устала с дороги. Помоги мне отыскать хоть какую-нибудь завалящую каморку для отдыха. Пожалуйста.

– Впечатляет. Я почти поверил, что ты милашка. Сиди тут, пойду договорюсь с хозяином.

Он прошел совсем рядом, едва не задев бедром ее локоть. Кэйлани украдкой втянула носом воздух. От наемника пахло железом, кожей, дымом и едва уловимо – его телом. Запах показался ей приятным, по крайней мере, этот шут имеет привычку мыться чаще, чем раз в полгода. И он здоров, молод и полон сил. Прекрасно сложен, жилист и вынослив. Болтает слишком много, но это ничего. Она подумала, что не против с ним поразвлечься разок-другой, но не сейчас, разумеется, это может помешать делу. После, перед тем, как настанет время вернуться в столицу.

То ли заведение и вправду было переполнено, то ли наемник солгал, решив поиграть на нервах своей спутницы, но разместиться ей пришлось в его номере. Для него хозяин подсутил: в комнату поставили еще одну кровать и даже ширму, чтобы почтенная ади смогла отгородиться. Кэйлани не возмутилась. Все с тем же непроницаемым лицом поблагодарила служанку, бросила в угол свой саквояжик и уселась на единственный стул у окна.

– Утром выезжаем, – сказала она Шершню, который наблюдал за ней, подпирая плечом стену. – До тех пор свободен.

– И оставить девушку одну в таком месте? Как можно! К тому же нам ведь надо поговорить, все обсудить, придумать какие-то планы. Я слабо понял, что именно ты хочешь найти, мне только сказали, что надо охранять тебя и показывать дорогу в Дельте.

– Ты хоть представляешь, чем занимаются Алмазные гончие? Иногда то, что мы ищем, оказывается... странным. Пугающим и потусторонним. – Она кивнула в сторону его пояса. – Весь этот арсенал может вдруг стать бесполезным.

– Не пугай, – беззаботно отмахнулся он. – Пуганый уже. Все, что я знаю – ваш орден щедро платит, так почему бы и не прогуляться по реке в поисках горстки еретиков.

– А ты подумай получше. Сегодня еще не поздно отказаться.

– Нет, прекрасная ади. Разве я могу бросить даму? – проговорил он, вновь сверкнув улыбкой. – К тому же взяв аванс. Но если я все-таки тебе не по нраву...

– Не имеет значения. И я уже говорила – не называй меня так.

«Ниже самого низайшего, – черной тенью промелькнуло на дне ее сознания. – Мельче пыли, ничтожней праха».

Вряд ли он понимал, с чего ее так злит обращение как к аристократке. Орден о своих внутренних порядках не распространяется.

Она замолчала и посмотрела на Шершня пристально. Под этим взглядом, безразличным и в то же время внимательным, проникающим в душу, становилось неуютно. Но он все-таки не смог в который раз не отметить, что глаза у нее невероятно красивые. Огромные, светло-карие, словно мед, подсвеченный солнцем.

Будь в них хоть капля тепла, в эту девушку невозможно было бы не влюбиться.

– Что? – спросила она подозрительно. Шершень пожал плечами и озвучил последнюю мысль. Кэйлани вздохнула. – Тебя ведь бесполезно уговаривать перестать паясничать, да?

– А ты всегда будешь серьезной как на похоронах?

– Просто уйди.

Тонкие брови нахмурились, уголки губ дрогнули в недовольной гримасе. Что ж, хоть какие-то чувства вызвать в ней удалось. Пусть всего лишь раздражение, но лиха беда начало, они ведь едва познакомились.

Шершень отлепился от стены, шутливо поклонился и вышел вон. Он и в самом деле был не прочь расслабиться и пропустить стаканчик – последние дни выдались хлопотными. А возвращаться в Дельту он в принципе не любил.

Оставшись одна, Кэйлани несколько мгновений смотрела на закрытую дверь, слушая мягкие шаги уходящего наемника. Ступал он тихо, но слух у нее был острый. Она прекрасно различала отдельные звуки в шуме улицы, гул голосов внизу и звон посуды на кухне. Вопли котов во дворе. Шорох и стук за стенкой – кто-то возился и переставлял мебель в соседней комнате. Она глубоко вдохнула, ощутив запахи лежалого тряпья, старого дерева, жирного чада и кислую вонь дешевого кабака.

Мерзкое заведение, убогое и грязное. Как и весь городишко, словно целиком состоящий из питейных заведений, жалких лавчонок, лабазов и грошовых борделей. Кэйлани вспомнила, как ехала по улицам, глядя из окна на обшарпанные стены и узкие тротуары, заплыванные бетелем, заваленные мусором, и повела плечами, будто стряхивая пыль и липкие взгляды.

Она ненавидела все это – грязь, нищету, убогость и скотство. Даже в столице избегала поездок на окраину, где ютились такие вот выселки. Бедность вызывала отвращение, как болезнь – не касайся, заразишься. Быть может поэтому сюда и послали именно ее, Кэйлани, нежный цветок на службе Ордена. Изящную, утонченную и хрупкую, с ее любовью к дорогим красивым вещам и искусствам. Чтобы в очередной раз напомнить, кто она, откуда и где ее место.

Мельче пыли, ничтожней праха.

А впереди – Дельта. Многие акры дикой земли, непролазные леса, лабиринты рек, рыбацкие деревни, затерянные в чаще деревни охотников, плавающие деревни и бог его знает, что еще...

Еще один глубокий вдох и медленный выдох. Кэйлани достала из саквояжа маленькую циновку, по краям расписанную ярким узором. Цветы и райские птицы. Расстелила ее посреди комнаты и уселась на колени, выпрямив спину. Закрyla глаза, прогнала мысли прочь, отклю-

чила внимание от звуков вокруг. Прислушалась к себе, расслабляя напряженные мышцы, успокаивая нервы. И вскоре растворила разум в тихом недеянии, очищая его.

Через некоторое время эмоции улеглись, и Кэйлани вновь могла мыслить ясно, не отвлекаясь на то, что сейчас не важно. Завтра она покинет этот город и уже вечером второго дня прибудет в Дельту. Сперва она думала немедленно отправиться в нужную деревню, по пути опрашивая местных, но теперь склонялась к тому, что лучше бы для начала осмотреться, познакомиться с их обычаями. Дать наемнику поработать, в конце концов.

Наемник. К нему надо бы приглядеться, но этим можно заняться между делом. Кэйлани не собиралась копаться в его прошлом и вести задушевные беседы, чтобы расположить нового спутника к себе. Все, что ей нужно знать – можно ли ему доверять и так ли он хорош, как говорят.

Тонкие ноздри дрогнули, словно наяву почуяв его запах. Перед глазами возникли загорелые руки и плечи, черные узоры татуировки, косой шрам на гладко выбритой щеке. Лица он не уродовал, наемнику даже шло. Его губы, изогнутые в насмешливой ухмылке. Глупую болтовню вспоминать не стала – это отнюдь не добавляло образу привлекательности.

«Я второй раз за вечер думаю о нем не то, что должно, – одернула она саму себя. – Отвлекаюсь, даже к делу не приступив. С чего бы вдруг?»

Мужской интерес она вызывала, не прилагая усилий: довольно намекнуть, и с ней пойдет любой, на кого глаз ляжет. Любой мирянин, разумеется – из слуг Ордена так себя осквернить позволил бы лишь вольнонаемный, а священникам она не то что намекнуть, подумать не посмеет...

Малейшего воспоминания об общине Храма Алмазного сердца оказалось достаточно, чтобы фривольные мысли улетучились из головы. Кэйлани ощутила привычное чувство вины, ожидания неминуемого наказания, будто кто-то сейчас мог узнать о ее фантазиях. Гончие не соблюдали celibat, скорее наоборот, но отвлекаться на свои низменные желания – недопустимо. Желания вообще не имеют значения, если твоя жизнь – служение.

«Все дело в дрянном городе. Я чувствую отвращение и беспокойство, они тянут за собой другие эмоции. Вот от них и надо избавляться, а дикарь вовсе ни при чем».

Нужно сосредоточиться. Взять разум под контроль – сейчас он как оружие в дрожащей руке. Кэйлани сменила белые одежды на скромное монашеское облачение. Зажгла благовония в курильнице, чтобы заглушить вонь трактира. Вернулась на коврик и погрузилась в глубокую медитацию. Так она провела больше часа, пока тело не онемело, а в голове не стало пусто и ясно. Только потом села за стол, разложила карту Дельты и принялась задумчиво ее изучать. Записей она не делала, приучившись держать все сведения в уме.

И теперь пыталась сложить их в общую картину, рассматривая извилистые очертания множества рукавов и притоков нарисованной реки. Где-то там ютились рыбацкие деревушки, вокруг которых творилось что-то странное.

Началось все с пропажи людей. Сначала исчезли пятеро в районе трех поселений в глубине леса, потом о схожих случаях заговорили по всей округе. Но самое интересное, что к тому времени в первых деревнях исчезновения прекратились. Более того, тамошние жители утверждали, будто ничего подозрительного у них не происходит, слухи были всего лишь слухами, и вообще живут они тихо, мирно и благочестиво. Даже слишком: по словам мытаря, собиравшего дань, такого порядка и благости он отродясь не видывал.

Говорил, будто там нет ни ссор, ни драк, ни мелкого воровства, ни пьянства. Будто распивочную и вовсе закрыли, а вместо нее в праздничные дни поселяне дружно собираются в храме. Который перестроили, обновили и украсили не хуже городских. Будто всем миром собрали недоимку за каждый двор – невиданный случай! И что его там приняли как родного, и так хорошо у них было, так славно, что хоть и не уезжай никогда.

Кэйлани понимала: он мог и приврать ради красного словца, но факт возвращения долгов до копейки имелся. К тому же инспектор из Ордена подтвердил: во всех трех деревнях прямо-таки образцовая община, редко увидишь такое единение.

Она усмехнулась. Надо же было отправить с инспекцией неопытного дурака! Ничто так не объединяет, как общее преступление. Особенно если преступление это – ересь. Что до усердного посещения молитвенного дома... Вероятно, в том храме бога больше нет. А вот что поселилось взамен, ей и предстояло выяснить.

На первый взгляд все было очевидно и просто, если бы не происходило в Дельте. Ловить здесь кого-то из местных, решившего спрятаться – как иголку в стоге сена искать. Туда бы послать вооруженные отряды, разом выбить всю дрянь, вычистить, как нарыв, сжечь вместе с гнилыми лачугами, все равно на тех диких берегах никогда ничего хорошего не вырастет. Но Орден почему-то отправил ее одну.

– Не одну, с помощником, – пробормотала она себе под нос. – Как знать, вдруг он целой армии стоит.

2.

Спустившись обратно в трактир, Шершень подумал: а не выпить ли ему сегодня по-серьезному. Малютка из Ордена явно прохладиться не настроена, кто знает, когда в другой раз выдастся свободный вечерок. Тем более, как доберутся до Дельты. Пусть сколько угодно хорохорится, эту пташку он там без присмотра не оставит. Палачей из Алмазного сердца никто не любит, а люди в тех краях пропадают часто, их толком и не ищет никто. Места-то глухие, всегда можно сказать, будто пропавший в лесу заблудился или в реке утонул.

Вот только вряд ли Орден это объяснение устроит, а спросят с кого? Правильно, с него, Шершня, и спросят. Да и не хотелось, чтобы с ней что-то стряслось, если честно. Уж больно красивая, пусть и злая как оса.

При мысли об Алмазной гончей он передумал оставаться в трактире. В городе есть места повеселей, и везде его знают. А когда приходит при деньгах, как сейчас – и вовсе привечают с радостью, потому что монет он никогда не жалел. Что деньги – железки да бумажки, только в карманах мешаются. Так надо тратить, пока есть где и на что.

Шершень вышел на улицу, где все еще стояла духота, но солнце клонилось к закату и больше не пекло немилосердно, как было днем. Осмотрелся, повел плечами, разминая спину, поразмыслил немного и зашагал в сторону ночного квартала. Так повсеместно называли улицы с борделями. Шершень считал это название глупостью: девки круглосуточно готовы обслужить, не только ночью, и каждый знал, что в этих самых кварталах находится. Шлюхи останутся шлюхами, как ни назови.

В заведении ниям Олианы веселье в это время еще только начинало разгоняться. В полупустом зале тапер играл сентиментальную песенку, и одна из девиц, разодетая в ярко-желтое платье, исполняла ее довольно неплохо. Грудь ее при каждом вздохе грозилась вывалиться из декольте на радость немногочисленным посетителям. На густо напудренном лице красовалась нарисованная мушка. А вообще девица вполне ничего. Молоденькая, вид еще не потасканный, мордашка милая...

– Шершень, мальчик мой! Давненько ты к нам не заглядывал, девочки по тебе заскучали, – раздался за спиной низкий грудной голос. Ниям Олиана спустилась в зал, чтобы лично встретить его. – Что, нравится крошка Гортензия? Новенькая моя, ласковая как котенок, поет как птичка... Ну чего стоишь, будто чужой, садись, я ее к тебе пришлю.

Подхватив гостя под локоток белой полной рукой, ниям провела его за столик в нише, обрамленной плюшевыми шторами – можно занавесить и уединиться с девкой прямо тут, если вверх по лестнице ноги уже не идут. Усадила на диван, нежно погладила мягкой ладонью по плечу.

– Роза! Чего без дела прохлаждаешься? Принеси-ка нашему дорогому другу выпить! – скомандовала она и отошла, колыхаясь, большая, сдобная, шумная, приторно ласковая с гостями и строгая со своими девочками до жестокости.

Взамен нее к круглому столику, украшенному непременно букетом в латунной вазе (практичная хозяйка выбирала легкие и прочные – ни вазу не разобьешь, ни голову), приблизилась Роза. Чернявая, мосластая, с большим ярким ртом и широкой задницей, она подплыла медленно, вихляя бедрами. Дернула плечом, отбрасывая распущенные волосы, взглянула томно, поставила поднос с бутылкой и парой стаканов и плеснула в один на два пальца.

Придвинула к Шершню, наклоняясь при этом так, что вырез блузки позволил целиком разглядеть голые смуглые груди. Совсем близко – еще чуть, и он бы носом в них уткнулся.

– Хочешь, приласкаю, – медленно облизав губы, сказала она и шепнула ему на ухо еще несколько слов.

Эту Шершень давно знал – не назвать красавицей, но в том, что предлагала, она мастерица. Но он повеселиться пришел, а не стравить пар по-быстрому. Сидеть же с Розой за столом не хотелось: глаз не радовала, беседой развлечь не умела. Глупая, грубая и жадная шлюшка.

– Новенькую позови, – велел он и сделал первый глоток.

– Она занята, – с жеманной обидой ответила Роза. – И вообще, толком ведь не умеет ничего.

На что он заявил, что если новенькая не придет сию же минуту, сам разыщет и приведет. Вскоре растерянная девица подошла, робко на него глядя. Боится. Видать, что-то ей про него понарасказывали. Странно. Эти-то вроде ничего плохого от него не видели...

– Что господин желает? – пролепетала она нежным голоском, села было напротив, но тут же вспомнила, как надо себя вести, переместилась ближе.

Шершень едва не чихнул, вдохнув одуряюще сладкий запах ее духов и пудры. Демоны ее забери, она даже волосы этой дрянью посыпала!

«Да ее отмывать придется дольше, чем трахать, – подумал он, разглядывая перепуганную смазливую мордашку. – И на кой ляд она мне сейчас тут?»

– Занавески задерни и сядь. Да не сюда, напротив, – велел он. – Крикни только, чтоб тебе принесли угощение, что захочешь.

Она споро выполнила поручения и благодарно улыбнулась. За сладкое рисовое пиво, фрукты и лимонад, которые продавались тут втридорога, шлюхи имели процент. Впрочем, эта наглеть не стала. Дурочка необстрелянная.

– Там сиди, не липни. Давно к Олиане попала?

– У меня младшие братья осиротели, вот и...

– А вообще не надо, – отмахнулся Шершень. Выслушивать очередную слезливую историю не было настроения. Все они тут сиротинушки. Хоть бы раз одна сказала, мол, люблю это дело, вот и подалась в проститутки, заплатил бы такой в тройном размере! – Лучше спой-ка мне что-нибудь повеселей...

Она пела, а он пил тепловатый кукурузный виски. Потом нарисовался тот клиент, из-под которого ее увели, взамен подсунув мосластую Розу. Не из местных, изрядно накачавшийся горячительным, он Шершня не знал и решил устроить бучу. Хоть и пьяный, но на ногах еще держался, да и выглядел здоровяком. Шершень обрадовался было возможности поразмяться, но ням сочла, что для скандала еще не время: набежали девки, вцепились, заверещали, пришлось разойтись.

Потом была пьянка в общем зале, где новенькая пела уже для всех, потом все-таки состоялась небольшая драка, но быстро помирились. Потом Гортензия пыталась увлечь Шершня наверх, сообразив наконец, что сегодня он будет щедрым. Но тот вдруг понял, что вовсе не этого желает.

Ему захотелось любви. До рассвета оставалось еще много времени. Он вышел из заведения и отправился в жилой квартал, тихий и сонный, где в зелени садов прятались дома городских толстосумов и чиновников. Трезвея от ночной прохлады, свернул возле храма в темную подворотню и ловко, в два прыжка, перемахнул через забор.

В этом городе у Шершня были две приличные женщины, которые не прочь. К одной, супруге почтенного налогового инспектора, заявиться среди ночи не получилось бы. Муж, старый рогоносец, ревновал ее к каждому столбу, платил слугам, чтобы круглосуточно следили. А жаль, инспекторша горячая штучка...

Впрочем, вторая тоже ничего. Малышка Нани. Дурища, каких поискать, зато молоденькая и красивая. И уж точно никто не подозревает эту благовоспитанную барышню в том, что она по ночам любовников принимает, так что можно наведаться без опаски. И спальня ее на первом этаже. И в него, Шершня, влюблена как кошка. Любит и ждет, а он давно тут не был, все глаза поди выплакала. Ну как не навестить!

Тихий условный стук – и немедленно за окном мелькнуло белое, створка распахнулась, выглянуло круглое перепуганное личико. Нарочно караулила, что ли?

– Это ты? – шепнула Нани, высовываясь наружу посмотреть, не следит ли кто. – Это правда ты?.. Ты что же, выпивши?

– Немножко.

Шершень схватил ее, теплую и вялую после сна, притянул к себе, жадно сминая мягкое податливое тело под тоненькой сорочкой. Путааясь пальцами в распущенных волосах, тяжелых и гладких.

– Пусти, нас могут увидеть! – пискнула она испуганно, уперевшись в его грудь руками. Правда, сопротивлялась слабо, для вида скорее. – Ах, что ты делаешь... не надо... Между прочим, я поклялась, что разорву эту ужасную связь. Ведь ты меня даже не любишь... Пусти!

– Нани, девочка моя, я люблю тебя больше жизни! Кисонька, я просто с ума сходил... – он впился поцелуем в ее пухлые губы, и девчонка моментально обмякла в руках. Так-то лучше. Пора бы в дом, а то и правда услышит ее папаша и явится с ружьем. – Подожди, дай перелезу... Как же я скучал!

– Если б скучал, давно приехал бы! А ты тут второй день, да еще живешь с какой-то ужасной женщиной... Прекрати! Не смей трогать меня, пока не объяснишься.

Отпрянула, подбоченилась, надула губки. С ней вечно так: надо потратить время, поговоривать, нашептать всякую любовную чушь... Интересно, откуда она про «ужасную женщину» узнала?

– Кисонька, это моя работа! Не знаю, что тебе насплетничали, но я люблю только тебя, ты же знаешь. Вот, еле вырвался, чтобы повидаться, хоть голосок твой услышать, а завтра выезжать до зари. – Шершень сбросил жилет и пояс с оружием, оставшись в одних штанах. – Та женщина – Алмазная гончая. Я и сам ее боюсь.

Он вспомнил холодную, строгую Кэйлани и невольно улыбнулся. Как можно бояться такую фею? Что-то она теперь поделявает, небось досматривает третий сон. В его комнате, между прочим. Интересно, в чем она спит? Ночи жаркие, а ну как обнаженной...

– Бедненький мой, – жалостливо протянула Нани, погладила его по щеке. Шершень поймал мягкую ладошку, поцеловал и повлек девчонку в сторону кровати.

– Девочка моя, у нас мало времени, – промурлыкал в маленькое ушко. – Всего ничего. Если меня хватятся, живьем шкуру спустят.

Врал, конечно. Кэйлани только рада будет, если он до утра не вернется. Еще не ясно, пустит ли вообще.

– Любимый, ты так рискуешь ради меня!

В воображении опять возникло прекрасное лицо. Медовые глаза зыркнули с ледяной яростью, словно колодезной водой окатили. Шершень стаскивал с подружки ночную рубаху, а сам размышлял: в чем все-таки спит Кэйлани... Кэй. Не такая уж она недостижимая, какой хочет казаться.

– Если пустит, то все сладится, – шепотом загадал он.

Нани переспросила было, что он там бормочет, но Шершень поцелуем заставил ее молчать. И прогнал Алмазную гончую из мыслей – не до нее пока, успеется.

Вернувшись в трактир, где еще сидели подгулявшие завсегдатаи, он едва не бегом поднялся по лестнице. Силы переполняли, хмель почти развеялся, и можно было бы еще погулять или посидеть с ребятами, перекинуться в кости, но кто знает, что ждет завтра. Лучше проснуться со свежей головой.

Дверь в комнату оказалась не заперта.

Улыбнувшись, Шершень удовлетворенно кивнул своим мыслям и беззвучно проскользнул внутрь. Тихо. Светло – уличный фонарь заглядывал в окно, разгоняя тьму. Пусто. Ни

шороха, ни звука дыхания, ни малейшего ощущения чьего-то присутствия. Неужели сбежала? Но зачем?

– Кэй? – тихонько произнес он. Нет ответа.

Шершень метнулся к ширме, заглянул за нее и выдохнул с облегчением.

– Ты блондинка! – воскликнул он, не сдержавшись.

Выпущенные на волю светлые кудряшки рассыпались по плечам – так и хотелось поймать прядь и намотать на палец. А глаза в темноте казались черными. Почти как дуло направленного на Шершня пистолета.

– Эй, я только решил проверить, что ты на месте! – сказал он, поднимая руки. Отметив мимоходом, что спит она все-таки не голой, но нечто невесомо-кружевное, едва прикрывающее точеные плечи, вряд ли можно назвать одеждой.

– Проверил? – Она принялась и сморщила носик. И махнула пистолетом: хилый, мол, отсюда.

Шершень послушно похилился, размышляя, не лучше ли вообще убраться из комнаты до утра и не злить лишний раз милашку Кэй. Но за ширмой зашуршало, завозилось, и та вышла в напех накинутом монашеском балахоне. К счастью, вместо оружия в ее руках была всего лишь шкатулка.

Поставив ее на стол, Кэйлани насыпала и накапала чего-то в два стаканчика, развела водой, понюхала и протянула один Шершню.

– Завтра ты мне нужен в нормальном состоянии. Пей.

– Благодарю за заботу, – шутиливо поклонился он, взял стакан, из которого приятно пахло травами, и выпил до дна горьковатую вязкую жидкость. – Я очень тронут... Что за...

Зажав ладонью рот, он заметался по комнате, едва успел распахнуть окно и свесился, извергая все выпитое за вечер. Кэйлани наблюдала с мрачным удовлетворением. Она добавила чуть больше ингредиентов, чем положено, и теперь наемника со страшной силой выворачивало наизнанку, зато эффекта долго ждать не пришлось. Возиться с ним остаток ночи в ее планы не входило.

– Фух! – выпрямился он наконец, утирая пот со лба. – Предупредила бы хоть.

– Теперь это, – скомандовала она, протягивая второй стакан.

– Нет уж, с меня и того хватило, – хмуро пробурчал Шершень, но она продолжала держать свое зелье, не отводя недовольного взгляда. Он решил, что проще сдаться. – Штаны заранее спустить?

– Я вообще-то намеревалась выспаться, – холодно сказала она.

Пожав плечами, он выпил вторую порцию. Оказалось вкусно – освежающе и кисленько. Подождал немного – ничего на этот раз, даже лучше стало, и мучившая всю дорогу жажда прошла.

– А вот это было хорошо, – улыбнулся он. – Спасибо, Кэй.

– Я тебе не Кэй, – бросила она через плечо, удаляясь к себе за ширму.

– Это пока, – прошептал Шершень.

Разделся до подштанников (пусть глядит, если захочет, ему стесняться нечего) и рухнул на кровать. Через несколько минут он крепко спал – Кэйлани поняла это по размеренному дыханию.

«Ладно хоть не храпит», – подумала она, отворачиваясь к стене. Мысленно пообещав, что в другой раз не станет с ним возиться, а то еще возомнит себе.

3.

– Что собой представляет Лайю? – спросила Кэйлани, лениво обмахиваясь резным сандаловым веером.

Казалось, весь ее невеликий багаж состоял из таких вот дорогих хорошеньких безделушек. Ну и шкатулки со всякой отравой, конечно же. Вспомнив вчерашние зелья, Шершень с досадой скривился. Не в таком виде он рассчитывал предстать перед красоткой Кэй в первую ночь после знакомства... Однако она ждала ответа. Он равнодушно хмыкнул и пожал плечами.

– Лайю? Да ничего, село как село. Как и все села отсюда до Дельты. Из последнего цивилизованного местечка мы уехали, теперь чем дальше, тем хуже: нищета, глушь и беззаконие.

– Цивилизованного?! – эхом повторила Кэйлани, выгнув тоненькую бровь. – Что же тогда, по-твоему... Впрочем, это все лирика. Меня интересует, найдем ли мы там хоть один приличный дом для ночлега, и ездят ли местные в Дельту. Возможно, узнаем от них что-нибудь полезное.

– Нам лучше переночевать на станции. Приедем затемно, зато ничего искать не придется. И лошадей поменяем. И слухи точно узнаем, сколько угодно, смотритель любит языком почесать. И накормят там хоть и не рябчиками, но зато в миску не плюнут.

Повозку тряхнуло, и Шершень не упустил возможности якобы случайно завалиться на Алмазную гончую, тесно прижавшись к ней. Она немедленно оттолкнула нахала, но он успел ощутить прохладную гладкость ее одежд, хрупкое плечико под ними и легкое дуновение на шее от возмущенного выдоха. Почуять отголосок запаха благовоний и будто бы каких-то цветов.

– Извини, – проговорил он, но отодвинулся совсем немного. – Не удержался.

Она не ответила. Отвернувшись, прислонилась к дверце и сделала вид, будто увлечена созерцанием пейзажей. Правда, смотреть было особо не на что: с тех пор как выехали из города, все тянулись бесконечные поля. Залитые водой прямоугольники риса. Стена кукурузы, шелестящей на ветру жесткими пергаментными листьями. Бархатцы... Зачем в этой глуши столько бархатцев? Что украшать?

Собственных лошадей Кэйлани не дали: слишком много чести, к тому же, когда настанет время углубятся в Дельту, надо будет пересестись в лодку. Приходилось нанимать извозчиков в каждом более-менее крупном поселении. С одной стороны, такой способ даже удобнее – сложнее выследить. С другой – выбор бывает скуден, часто экипаж достается не из лучших. Вот и сейчас они тряслись в тесной коляске с дрянными рессорами, грозящейся развалиться на каждой кочке. Ладно хоть навес от солнца цел, иначе поездка и вовсе превратилась бы в сущий ад.

А теперь вдруг оказалось, что ехать предстоит едва не вдвое дольше, чем Кэйлани рассчитывала.

– На той станции... Третьей, я верно запомнила? Будет ли возможность поменять там экипаж и отпустить домой нашего извозчика? Или все же придется делать крюк и заезжать в Лайю? – с тайной надеждой спросила она. Шершень бросил быстрый взгляд из-под ресниц и чуть заметно улыбнулся.

– Почему бы не заехать пропустить стаканчик для бодрости. И размяться, я себе всю... все себе отбил. Ну и поменяем лошадь, конечно. Ты ведь хотел бы поскорей домой вернуться, ниану?

– Нет уж, господин хороший, раз взялся, до станции сам вас довезу, – на миг обернувшись, ответил старенький извозчик. – Народ там негодящий, в Лайю-то, разбойник на бандите едет да вором погоняет. Не надо бы через тот лес ехать, еще и с ней, с подружкой твоей.

– Вы что же, не знаете, кто я? – спросила Кэйлани надменно, но все-таки обратилась к старику уважительно.

Шершень мысленно сделал себе заметку: что-то тут кроется, не будет Алмазная гончая уважать кого-то лишь за число прожитых лет. Тем более обычного простолюдина. В отличие от самой Кэйлани, наемник живо интересовался спутницей. Она казалась занятой головоломкой, которую во что бы то ни стало хотелось разгадать.

– Знаю, как не знать, – добродушно отозвался возница и сплюнул в дорожную пыль красную от бетеля слюну. – Токмо человек я маленький, младших богов и чту. Поганных ересей завсегда чурался, вашей святой братии мне бояться резона нет. Зла вам и подавно не желаю, довезу. А коли лишний грош жалее, то я и за так, лишь бы грех на душу не брать.

– Слыхал что? – подавшись вперед, тихо проговорил наемник. – Шепнул бы, а я тебе и за извоз щедро заплачу, и за добрую беседу.

– Чего ж я мог слышать-то? Я человек маленький. Разве вот погоды, говорят, переменчивые стоят, беспокойные. Нечистая в лесу разыгралась, водит да путает. Негодное время в дорогу отправляться. А коли нужда гонит – надуть ухо держать востро...

Он прикрикнул на лошадей и замолчал, сторбившись на своей скамейке. Пассажиры переглянулись.

– Провизии у нас достаточно, я прихватил пару бутылок неплохого вина, так почему бы не устроить пикник в каком-нибудь красивом месте! – воскликнул Шершень. И шепнул на ушко спутнице: – Я бы объехал Лайю стороной. Не зря он намекает, извозчики слухи быстро узнают.

– Вам нечего опасаться, почтеннейший, – едва заметно изогнув сочные губки в подобии улыбки, сказала Кэйлани. Взглянула на Шершня свысока. – И тебе тоже. Я служительница Ордена Алмазного сердца, веду расследование, и каждый, кого попрошу, от крестьянина до герцога, должен оказывать мне помощь и содействие. Злит селян я не собираюсь, сворачивать из-за них с пути и подавно. Просто держитесь рядом, и все обойдется.

Шершень лишь хохотнул в ответ, за что извозчик покосился на него с укором. Но через Лайю все-таки повез, хоть и со спины было видать: не врет, в самом деле боится. А вот малютка Кэй не боялась, не дергалась даже. Откинулась на жестком сиденье и вновь стала полями любоваться. Как раз проезжали места, где росли желтые цветы, на шары похожие, которые священники по праздникам любят вешать на алтари, на статуи, ну и на себя заодно.

Нравятся они церковникам, а ведь она тоже из них, вот и глядит, не оторвется, по дому наверное скучает. Шершень решил нарвать ей охапку при случае. Может, улыбнется.

– Когда будем въезжать в село, никаких пистолетов, – неожиданно сказала Кэйлани, напрочь убив весь настрой. – Не понимаешь, о чем я? Я тебе не позволю размахивать оружием перед теми, с кем намерена договориться мирным путем.

– Пф! И о чем, интересно, тебе с ними договариваться? Сплетни собирать? Этим можно заняться ближе к Дельте, да хоть на Станции Три, а не якшаться со всяким отребьем... – Он осекся, встретившись с ней глазами. Упрямо свел темные брови. – Не отдам. Это мои лучшие друзья. Единственные друзья! Да я без них все равно что без рук! К тому же они – наш весомый аргумент.

– Аргуме-е-ент, – протянула она насмешливо. Где только дикарь нахватался умных слов! – Разве я велела их отдать? Спрятать! Не раздражать местных. Ясно?

– Угу, – отозвался наемник.

Спорить было некогда – подъезжали к околице. Вот она, главная и единственная улица в Лайю. Широкая и безлюдная. Тянется до самой церкви, заканчиваясь площадью, сердцем деревни, где созывают совет общины, играют свадьбы, провожают в последний путь. А столб, все еще увитый полинявшими обрывками лент после какого-то гуляния, раньше был позорным столбом, пока местные власти не лишились права вершить суд и расправу. С тех пор провинившихся увозят для наказания в центр провинции.

Кэйлани внезапно пришла в голову странная мысль: столб вовсе не потому не стали убирать, что поленились или решили использовать для иных нужд. Нет, он так и остался местом казни и пыток, просто ждал своего часа, замаскированный лентами и цветами...

– Из повозки не выходим. Резких движений не делайте. И вообще ничего не делайте, пока я не велю, – тихо сказала она, глядя, как на площадь один за другим выходят селяне. – Говорить буду я. Не будете мешать – все пройдет хорошо.

Шершень молча наблюдал, как мужики собираются в толпу напротив. Вооруженную толпу: ружья, самопалы, длинные ножи для рубки тростника, вилы... Вилы? Они это серьезно?

Он хмыкнул и поймал обжигающе ледяной взгляд Кэйлани. Та сидела с надменным лицом, вытянув спинку, и ждала, когда все желающие соберутся, а смешки и перешептывания смолкнут. Ни тени волнения, будто не со злобными оборванцами собралась говорить, а с поклонниками из аристократов. Шершень решил молчать и не вмешиваться, пока не станет жарко. Пусть развлекается, глядишь, в другой раз будет умнее и объедет такое место стороной.

Наконец все притихли, и высокий жилистый мужик в добротной одежде, очевидно, главный, вышел вперед. Поздоровался со сдержанной вежливостью, и Кэйлани ответила на приветствие.

– Что же в наших краях слугам Алмазного Ордена понадобилось? – спросил он, с прищуром глядя на непрошенных гостей. – Бога мы чтим, мерзостями отродясь не занимались и вообще закон соблюдаем, разве в казну должок водится небольшой, ну а у кого его нет! Что до слухов, будто окрест наши ребята пошаливают, так то завистники напраслину наводят. Не наши это, слово даю. Все честь по чести, и нечего тут вынюхивать.

– Я не из полиции и не налоговый инспектор, ваши отношения с законом меня не интересуют, – сказала Кэйлани. – И мерзости мы ищем не здесь. Я лишь хочу узнать, какие новости слышно из Дельты, а если кто-то из вас там бывал...

– Знамо дело, какие – тамошние коз сношают! – выкрикнул звонкий голос, и оборванный парнишка лет тринадцати выбрался из толпы, расталкивая соседей локтями. – Неужто благородная ади не слыхала? Это все знают! А у кого нет козы, тот наловит в болоте угрей потолще, и давай с теми угрями...

– Лико! А ну прекрати озорничать! – прервал его старейшина и пояснил: – Дурачок он у нас, юродивый. Вы, ади, на него не сердайте. Что до вашего интереса... Какие там новости, Дельта и есть Дельта. Гнилые болота, живут там лысые обезьяны да рыбу сырую жрут. Все они там еретики, езжай да вешай без разбора!

Он сплюнул под ноги и замолчал, глядя на Алмазную гончую исподлобья. Некоторое время та смотрела на него в ответ. Судя по хмурым лицам его соплеменников, ничего рассказывать здесь не собирались, даже если знали.

Как ни пыталась Кэйлани, путевого разговора так и не вышло. Старейшина юлил и прикидывался недоумком, остальные не подавали голоса без его веления, только поддакивали иногда, вступая разом, как хор в балагане на ярмарке. Шершень напрягся и готовился в любую минуту выхватить пистолеты, спрятанные под сиденьем, но, к счастью, обошлось. Она сухо попрощалась и велела извозчику возвращаться на большак. Наемник с трудом вытерпел, чтобы не оглянуться – казалось, их держали на прицеле, и выдохнул с облегчением, когда Лайю осталось позади.

– Ну и зачем все это было? – спросил он. – Зря только крюк сделали.

– Может и зря, а может и нет, – задумчиво ответила Кэйлани. – Что-то они слышали, о чем говорить не хотят. Люди здесь суеверные...

– И что с того?

– Не знаю. Посмотрим.

Вскоре после Лайю поля сменились холмами, оврагами, поросшими невысоким пока лесом. До станции дорога шла в гору, сперва полого, а потом начала петлять поперек обрыви-

стых склонов. Понемногу начинало смеркаться. Когда въехали в лес, извозчик зажег фонарь, на свет которого немедленно слетелся целый рой насекомых. Усталая лошадь недовольно прижимала уши, фыркала и дергала головой, отгоняя их. Извозчик лениво на нее покрикивал – он тоже устал и время от времени клевал носом.

– Ты бы не спал, ниану, – окрикнул его Шершень. – Вдоль обрыва едем, споткнется твоя кляча – костей не соберешь.

– Не тревожьтесь, милостивый господин, она дорогу знает. Сама довезет. Смирная.

Вскоре извозчик все-таки задремал. Наверное, толком не успел понять, что произошло, когда в его горло вонзился арбалетный болт. Захрипел, схватившись за шею, завалился набок. Лошадь дернулась, и колесо скользнуло с края, едва не сорвавшись вниз. Перепуганное животное вскинулось на дыбы.

Кэйлани понимала, что, одетая в белое, в полумраке она легкая мишень. Надо было действовать быстро. Она сосредоточилась, на долю секунды прикрыла глаза и заговорила особым голосом:

– Спокойно. Стой смирно.

Лошадь послушалась, замерла, косясь испуганно. Кэйлани подалась вперед, но Шершень мигом сообразил, что она собирается делать, поймал, прижал к спинке сиденья, удерживая в тени навеса.

– Сиди и не дергайся! – скомандовал и вскочил, чтобы сменить извозчика, но получил резкий и точный удар под дых ребром ладони.

Выдохнул, согнулся, на миг растерялся, и этого было достаточно. Кэйлани запрыгнула на козлы и наклонилась подобрать упавшие вожжи. В тот же миг спину под лопаткой пронзила резкая боль.

– А теперь вперед! Пошла!

Повозка рванула с места. В спину болт не воткнулся, лишь кожу рассек. Только бы не яд. Рана не должна быть опасной, главное, чтобы не яд...

– Пусти меня и спрячься под навесом. Ну же! – Шершень затащил тело в кузов, а сам сел рядом с Кэйлани и выдернул из ее рук поводья.

Для двоих здесь было слишком мало места. Еще и трясло так, что едва не выбрасывало из чертовой колымаги. Время для споров не самое подходящее, и она предпочла на сей раз послушаться. А после все ему выскажет. Когда выберутся.

Надо было и его успокоить измененным голосом, но что уж теперь. Впрочем, чем позже узнает об этой ее способности, тем лучше, да и сил она отнимает слишком много.

Громыхая и подпрыгивая, повозка неслась по лесной дороге, и Кэйлани ничего не могла слышать за грохотом колес. В лесной чаще сгустилась тьма, фонарь они потеряли. Как наемник различал путь – одному богу известно. А может и не различал вовсе, гнал наугад, но об этом она предпочла не думать. Они ехали так до первого крутого поворота, перед которым он едва успел остановить лошадь.

– Прости. Ты там как? – Он развернулся, не обращая внимание на фыркание нервно переступающей ногами клячи, и посмотрел на Кэйлани внимательно. – А пассажира может посадим? Ему уже не помочь.

Старик был мертвее мертвого, не могла она этого не заметить. И ведь не бросила, как мешок с хламом, на дорогу. Хотела похоронить по-человечески? Надо же, какая сентиментальная. А с первого взгляда и не скажешь...

– Мне нужно осмотреть тело, – заявила Кэйлани, развеяв заблуждения на свой счет. – Я даже стрелу из него не вытащила в этой суматохе. А теперь поехали спокойно, иначе наша карета развалится, и тебе придется идти пешком до самой станции.

Он обладал редким даром видеть в темноте почти как кошка. И сейчас различал, что лицо у Алмазной гончей усталое, и она держит спину не так прямо, как всегда. Неужели рана все-таки серьезна?

– Тебя надо перевязать.

– Позже.

Шершень начал было спорить – не нравилась она ему, но малютка Кэй и слушать не желала. Мол, пока будут возиться, те, кто на них напал, догонят и добьют. Пришлось согласиться, и он погнал лошадь так быстро, как только возможно.

На удивление, когда спустя пару часов доползли-таки до Станции Три, Кэйлани хуже не стало. Наоборот, вроде как ожила немного, несмотря на все еще сочившуюся кровью рану. Помогая ей сойти на землю, Шершень пытался сообразить, в чем была причина ее резкого недомогания, но не сумел. Не со страха ведь, в самом-то деле. Эта девчонка не побоялась толпы вооруженных вилами селяков, с которых случилось бы прикопать всех троих за околицей, если бы что-то пошло не так.

– У нас труп жертвы разбойного нападения, – тем временем сообщила девчонка вышедшему навстречу смотрителю. – Мне нужно место, чтобы его осмотреть, и побольше света. Для полиции оставлю письмо, тебе не придется с ними объясняться.

– Ясно, – вздохнул коротышка-смотритель и растерянно почесал лысую макушку. – У меня комнатка пустует для особых гостей, вот только держать ночью в доме мертвеца... Сами понимаете.

– Я лишь взгляну на него, и после уберем, – пообещала Кэйлани. – Вскрывать не стану, не бойся. А комнату я сниму на ночь. Еще понадобится лохань с горячей водой и ужин, чуть позже. Плачу за все заранее. За беспокойство тоже.

Услышав об оплате, смотритель воспрял духом и заявил, что сделает все, чего потребует госпожа. Отворил ворота, попросил Шершня подогнать коляску ближе к дому, чтобы не нести страшный груз через весь двор, рискуя перепугать суеверных постояльцев. Благо, у комнатки оказался отдельный вход.

4.

– Нужно тебя осмотреть, – сказал Шершень, когда они остались вдвоем. – До сих пор кровит через повязку.

Да и повязка была – смех один, наскоро, в темноте кое-как перетянули куском тряпки. Но Алмазную гончую рана словно и вовсе не беспокоила. Как ни в чем не бывало она расстелила на полу рогожку и раскладывала рядом какие-то инструменты и пузырьки из своего саквояжа.

– Я бы предпочла сперва закончить дело.

– Покойник никуда не убежит, – резонно возразил наемник, и она посмотрела на него с сомнением.

– А ты умеешь...

– Конечно. Только надо бинты найти и что-нибудь, чтоб прижечь. – Он подмигнул. – Сделаю в лучшем виде! Раздевайся.

Кэйлани фыркнула, вручила ему все необходимое и велела отвернуться. У нее в запасе нашлись и бинты, и мази, и даже настоящая вата вместо корпии – он такую только у врачей, пользующих богатеев, видал. Словно готовилась. Хотя чему удивляться. Вряд ли те, по чью душу она приходила, встречали Алмазную гончую с расprostертыми объятьями.

– Я готова. Только давай-ка на этот раз обойдемся без глупостей.

Шершень повернулся и на несколько секунд замешкался, любуясь ею.

Кэйлани сидела на коленях на расстеленной рогожке спиной к нему. Одета лишь в просторные монашьи штанишки, подпоясанные на бедрах. Пшеничные волосы, стянутые в тугую косу, она перебросила через плечо, чтобы не мешались. У нее были красивые спина и плечи, тонкая талия и аппетитные ямочки пониже поясницы – словно нарочно надевала такие низкие штаны, чтобы показывать эти ямочки...

– Что там? – нетерпеливо спросила она, отвлекая от разглядывания изгибов изящного тела. Безупречного, от ушей до пальцев на ногах, аккуратных и розовых.

Белую кожу, гладкую как фарфор, рассекал порез длинной в половину ладони. Не настолько глубокий, чтобы причинить серьезный вред, но края разошлись. Если ничего не сделать, останется уродливый широкий рубец.

– Ничего страшного. Рана чистая, не рваная, нужно почистить и зашить.

– Справишься?

Даже голос не дрогнул. Шершень заверил, что проделывал это не раз, приходилось даже на себе, но ей бы чего-то обезболивающего или хоть выпить крепкого на худой конец.

– Дай мне свой ремень, – сказала она.

– Он-то тебе зачем?

Вместо ответа она молча протянула ладонь. Он вынул из петель ремень и вложил в ее руку. Кэйлани улеглась прямо там, где сидела, и велела начинать. Петлю ремня она закусила зубами. Все-таки боялась, значит, хотя Шершень не удивился бы, узнай, что она и к боли нечувствительна.

Но она все чувствовала. И когда он промывал рану каким-то резко пахнущим раствором (похоже, жгло не хуже спирта), и когда зашивал, стягивая края. Это было видно по напрягавшимся мускулам (неожиданно жестким для такой хрупкой на вид девчонки) и побелевшим костяшкам на кулаках, в которых она держала ремень. Ни разу не дернулась и не издала ни звука. Терпела, пока он не закончил.

– Порядок, – наконец сказал Шершень, ополаскивая руки. – Сейчас вытру кровь, и все.

Бережно, стараясь больше не причинять боли, промокнул вокруг раны смоченным в вонючей дряни бинтом. Смыл разводы сукровицы. Не удержался, коснулся ладонью другой

половины спины. Кэйлани чуть заметно вздрогнула, но ничего не сказала. Шершень ласково погладил ее, без всякого такого. Просто жалея.

– Сядь, я повязку сделаю.

Помог подняться, осторожно придерживая под локоть.

– Подожди, надо наложить мазь, – попросила она, не оглядываясь.

– Какую?

На кожаной подстилке были расставлены пузырьки и баночки – ни ярлыков, ни этикеток. Кэйлани развернулась, чтобы взять нужную, и Шершень заметил мокрый след на ее щеке. Он вдруг ощутил непреодолимое желание ее утешить. Обнять, вытереть слезы. Слизать эту влажную соленую дорожку, а потом попробовать чуть припухшие губы на вкус. Узнать, настолько ли твердые маленькие белые грудки, какими выглядят...

– Эту, – глухо сказала Кэйлани, протягивая склянку. Проследила за его взглядом, схватила брошенную на пол одежду, прикрылась и подставила спину.

Он послушно намазал ее жирным зеленоватым кремом, вытер руку о штанину, а потом дотронулся кончиками пальцев до длинной шеи, чувствуя, как под кожей часто пульсирует жилка. Провел по линии плеч, вдоль спины, по крутым изгибам талии к бедрам. Приблизился, чтобы вдохнуть запах ее волос.

Кэйлани молчала, замерев, будто натянутая струна. Присмотревшись, он заметил, как она пытается скрыть учатившееся дыхание, и понял – это вовсе не стыд, не злость и не ожидание новой боли. То, что произошло, взволновало ее так сильно, что непоколебимая Алмазная гончая просто не могла держать себя в руках.

– Ах ты маленькая маньячка, – шепнул он в аккуратное порозовевшее ушко и легонько сжал зубами мочку. Осмелев, поцеловал чувствительное местечко за ней, скользнул ладонями по животу.

– Сейчас не время и не место, – процедила Кэйлани сквозь прикушенную губу, но вырваться не попыталась.

– Но ты же хочешь сейчас, – отозвался он, обжигая дыханием. – Почему нет?

Действительно, почему? Она ведь все равно собиралась сделать это рано или поздно. Ее грязный секрет он разгадал, теперь не оправдаться – не дурак, все прекрасно понял. И так не хочется вырваться из этих рук, умело ласкающих ее тело. С ним будет хорошо. Она с первого взгляда почувствовала, а интуиция в таких вещах ее никогда не подводила.

– Ладно, – выдохнула она. Нежные пальцы наемника добрались до груди, и Кэйлани разрешила себе выгнуться им навстречу. – С одним условием.

– М? – мурлыкнул он, продолжая целовать ее шею.

– Заткнись.

Он рассмеялся и прикусил бархатистую кожу. Захотелось стиснуть ее в объятьях изо всех сил, прижать к себе, взять грубо и жадно, но приходилось сдерживаться. Следить, чтобы не разошелся шов, когда она извивалась от удовольствия. Чтобы не вскрикнула слишком громко – стены в доме предательски тонкие. А она была такая сладкая, горячая, послушная, атласно-упругая, невообразимо красивая, и любить бы ее всю ночь, а не вот так, по-быстрому, но нельзя, иначе их хватятся и придут проверить. И застукают на самом интересном, да и пусть, пускай завидуют, остановиться его ничего не заставит...

Когда все закончилось, она откинулась, прижавшись спиной к его груди, и Шершень уткнулся носом в ее волосы. Запах благовоний, не позволяющий забыть, кто в его объятьях. Провел по внутренней стороне бедра – сильные мышцы под обманчивой мягкостью.

– Кэй...

– Тсс! Посмотри, все нормально?

Она отодвинулась, соскользнула с его колен, на миг замерла, показывая спину. Швы были целы, края раны не разошлись, даже кровь больше не текла. Но шрам все равно останется, если у церковников нет особых хитрых снадобий. А жаль – ведь она само совершенство.

– Все хорошо.

– Перевяжи меня.

Наложив повязку, Шершень подумал, что теперь Кэйлани встанет, оденется и скажет, что ничего не было, и чтобы он не то что говорить – думать больше об этом не смел. И когда она потянулась к своим вещам, он поймал ее за плечи, развернул к себе и поцеловал. Кэйлани ответила, но руки оставила лежать на коленях, будто не решившись коснуться его. Они целовались долго, осторожно и нежно, словно заново узнавая друг друга, но все-таки она отстранилась. В глубине мягко сияющих медовых глаз промелькнуло что-то похожее на сожаление.

– Довольно. Мы и так позволили себе лишнего. Пора вернуться к делам.

Подхватив одежды, она встала, отошла на пару шагов, бросила все на кровать и вновь отвернулась. Натянула штаны, потом сорочку, наконец, просторный монашеский балахон. Ее нарядное белое облачение было порвано на спине, вымазано кровью, и вряд ли она станет стирать и штопать его сама.

– Распорядись насчет ужина и остального, и принесите сюда тело. Денег им не давай, я сама расплачусь, как выйду.

Скрутила косу в узел, надела убор, вновь спрятав под ним волосы. Расправила складки на подоле и обернулась. В глазах – ни следа расслабленной неги, которая плескалась в них пару минут назад. Все то же холодное равнодушие.

– И еще: ничего не было. Тебе понятно?

– Да что тут непонятного, – кивнул Шершень, пряча улыбку. – Не стоит тебе беспокоиться. Вообще ни о чем. Кроме твоих еретиков разве что.

И вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Кэйлани присела на краешек кровати и позволила эмоциям захлестнуть себя еще раз. Зажмурилась, так они были сильны и противоречивы. Еще не утихшая ноющая боль под лопаткой, отголоски удовольствия, досада и стыд смешались в острое, яркое чувство, от которого перехватывало дыхание.

Она не жалела, что так вышло, и не сердилась на наемника. Но как же не вовремя! И... Мало, слишком мало, к чему себя обманывать.

Кэйлани сказала, что займется покойником сама, и велела проверить в это время повозку. Поискать тайники, осмотреть повреждения и договориться о каком-никаком ремонте – новое средство передвижения быстро не достать, и она надеялась добраться на разбитой колыхаге до Дельты, а там видно будет. Шершень и не подумал спорить. Ясно же, что ей сейчас неловко оставаться с ним один на один. А ему наблюдать, как она будет с мертвецом возиться, было совсем не интересно, лучше со зрителем потолковать, разведать обстановку. Новости узнать – на Станции Три их всегда было в избытке.

К тому же не мешало бы остыть. Сбросить морок навязчивых ощущений: шелковая кожа под ладонями, запах ее волос, губы, которые хотелось целовать бесконечно, упругое, нежное, податливое тело... Все, довольно. Еще немного, и он будет готов повторить. А повторить сегодня не получится. Уломать-то можно, но нет, не то. Пусть сама захочет, по-настоящему. Не втыкать же в нее иголки всякий раз, в самом деле!

Воображение предательски вернулось к обнаженной Кэйлани – свежий шов на белой спине, ложбинка вдоль позвоночника, низкий пояс штанов и ямочки над ягодицами. Захочет. Ей не хватило, трудно было не заметить... Шершень выдохнул и решительно зашагал вглубь двора, где, как он помнил, должен быть колодец. Так и есть, на месте, и ведро с холодной водой на крышке поставлено, как нарочно приготовили. Он набрал кружку, умылся, щедро плеснув в лицо, а остатки допил залпом, так, что заломило зубы и зазвенело в висках. Все. На сегодня кончилось веселье. Дельта впереди, вот о чем думать надо.

В ведре отражались звезды. Со дна кружки сорвалась капля, блеснула и упала, пустив круги. Точь-в-точь как тогда. Надо же, второй десяток лет с тех пор пошел, а он помнит. Тот же колодец, тот же двор, те же звезды в ведре – какая вода тогда была вкусная, а сейчас выпил и не заметил, размышлявший об аппетитной попке убийцы из Ордена.

Довольно. Шершень с некоторым усилием окончательно выбросил мысли о ней из головы. Окинул темный двор задумчивым взглядом, глубоко вдохнул. Пахло все так же, жареным луком и конюшней. И сама конюшня на прежнем месте, да и что ей будет, добротная – он ее хорошо в тот раз успел изучить, пока чистил. Прежний хозяин поручил, дал шанс подзаработать.

Смотритель сменился, конечно, давно уже. С Шершнем они неплохо знакомы. А вот тот, старый, не узнал бы в разукрашенном татуировками и шрамами наемнике тощего рыжего мальчишку с ободранными коленками и вечно голодными глазами. Да и не был он тогда никаким Шершнем. У него даже имя было иное, которое он почти забыл за ненужностью, выправив при первом случае новый документ. Но кое-где в Дельте помнили. Ладно хоть Алмазной гончей надо в другую сторону от тех мест, но мало ли...

Кэй. Надо бы спешить, вряд ли она долго копаться будет. И вообще, чего он здесь бродит, там, в доме, наверняка выпить дадут, и поговорить бы надо, почву подготовить, чтобы она своим неожиданным явлением всех не распугала. Что он сопли распустил, в самом-то деле – ах, воспоминания детства! Были бы они хоть немного радостными, воспоминания те.

Он тщательно проверил коляску, но ничего не нашел, кроме треснувшей оси и еще кое-чего по мелочи. Можно подлатать, доедет, не развалится. На дне кузова валялся арбалетный болт, тот самый, которым ранили Кэй. Наконечник острый, как бритва, длинный и ровный – в Дельте такие не в ходу, похоже, нападавшие из местных были. Дороговато для оборванцев с большой дороги, наверняка потом собрали бы.

Вот только добывать путников они не стали. Легко догадаться, почему – увидели, на кого нарвались, и решили не связываться. Расследовать убийство Алмазной гончей нагонят и полицейских, и церковных, такая кутерьма начнется, что придется ребятам надолго залечь на дно. Разумней плюнуть и две стрелы потерять.

Приглядевшись, Шершень различил на тусклом металле пятнышко ее крови. Этот болт Кэйлани не нужен, она точно такой же сейчас из старика вытаскивает. И приходит к тем же выводам, голова у нее работает, этого не отнять. Он повертел находку в руках, потом, повинувшись неожиданному порыву, отрубил ножом древко, а наконечник сунул в карман. Пускай будет, может, на удачу.

В комнате, где располагались и длинный обеденный стол, и кухня, и широкие полаты для ночлега, отделенные лишь невысокой перегородкой, сидели трое проезжих и смотритель. Его жена, грузная женщина неопределенного возраста с большими руками и вечно скорбным выражением лица, суежилась у очага. Проезжие тихо беседовали и лениво, без азарта перебрасывались в картишки. Ставок не делали, играли на интерес. От котла, в котором весело побулькивало, тянуло густым пряным духом – похоже, ужин дадут приличный.

При виде новенького путники отложили свои занятия и поднялись, чтобы его поприветствовать. Обмениваясь положенными случаю фразами, Шершень исподволь к ним присматривался. Двое, купец с приказчиком, направлялись в Дельту, третий возвращался. Вез почту. Уроженцев Дельты среди них не было, это Шершень и без расспросов понял.

Обсудили погоду, дорогу (о нападении и тем более о трупе за стеной он решил пока умолчать), условились сыграть после ужина, на том пока и разошлись. Шершень предупредил о своей спутнице, троица напряглась было, но он заверил, что Алмазная гончая просто остановилась заночевать, как и все, и проблем не будет. Вроде успокоил. Договорился со смотрителем, заплатил, сколько положено, докинув от себя за труды. Тот подобрел и даже выпил с гостем приветственную рюмку, пока жена выходила за водой на двор. Наладив контакты,

наемник со спокойной душой вернулся в каморку, заодно помог смотрительше донести ведра и лохань для купания.

Кэйлани приказала убрать мертвого извозчика и выгнала Шершня, заявив, что ей надо помыться. Наверное, прикосновение к покойнику она считала оскверняющим, у церковников куча заморочек по этому поводу.

Он хотел было предложить потереть спинку, но передумал ее дразнить. Кэй и без того выглядела нервной. Оставил ее в покое и вышел в общий зал. За столом пили рисовое вино, собирали ставки по-маленькой. Шершень присоединился, стараясь играть средне, без заметного выигрыша, но и не просаживая все ставки подряд. Не хватало, чтоб за шулера приняли. Хотя он умел, если надо, и это умение не раз его выручало.

А пока сидел себе, лыбился, слушал байки с подчеркнутым интересом, понемногу разговоры к Дельте подводил. Те, кому приходится там бывать, любят рассказать про нее всякого, конечно, не упустив случая немного приврать. Передаваясь из уст в уста, лучшие из этих историй обрастают такими подробностями, что диву даешься.

Шершень хорошо знал Дельту и еще лучше – людские привычки, потому и врать не мешал, и добрую часть сплетен пропускал мимо ушей. Пока что он не слышал ничего необычного. Ничего, что навело бы на подозрения, наоборот: из слухов, как по тайному коду, понятному лишь бродягам, он сложил послание. Тихо там сейчас, в Дельте, спокойно. Можно ехать без опаски.

Даже если в лесах что-то и творилось, приезжим о том не рассказывали – местные посвящать в свои дела чужаков не любят. А те и сами не больно слушали: подумаешь, еретики. Если не устраивают разнузданных оргий и кровавых жертвоприношений, ничего интересного.

Все шло как по накатанной, пара-тройка шуток – и Шершень легко стал центром этой маленькой компании, даже смотрительша перестала поджимать губы и поглядывала с живым любопытством. Но вот из своей комнатухи вышла мрачная Кэйлани. В полном монашеском облачении, даже цапки нацепила – а ну как не узнают. Мужчины вскочили, едва не опрокинув стулья. Смотрительша нехотя поклонилась и ушла на хозяйскую половину. Веселье мигом угасло.

5.

Она молчала. Хоть бы возмутилась, опять велела заткнуться. Или сказала, мол, прав ты, Шершень, но так уж вышло. А она просто молчала – и все. Позволяя себя отчитывать.

– Почтальона насмерть перепугала, могла просто предупредить, что разбойники на дороге засели, а не вываливать на стол окровавленную стрелу, которую из покойника вынула. Мы, если не заметила, ели. У людей, может, аппетит слабый... Да ты меня слушаешь вообще?!

Не выдержав, Шершень оглянулся через плечо. Кэйлани сидела, положив локоток на низкую дверцу, и задумчиво лес рассматривала, будто видела в нем что-то очень интересное. Перевела взгляд на Шершня и обратно.

– Смотри на дорогу, – равнодушно проговорила она.

– Чего я там не видал, – отмахнулся он, развернулся и сел к ней лицом, перебросив вожжи через колено. Смирный мерин плелся по знакомому пути, не требуя к себе внимания, разве что редких понуканий, чтоб совсем не уснул. – Я к чему вообще. Ты же хочешь, чтоб я не просто маршрут прокладывал, но и с местными помогал вопросы решать. А твоей манеры это делать я никак понять не могу. Как будто нарочно стараешься запугать всех вокруг и заставить нас ненавидеть.

– Боятся – значит, уважают.

– Боятся – значит, боятся. С чего вдруг им тебя уважать, за белую тряпку на голове? – Лицо Кэйлани оставалось безучастным, но теперь она хотя бы смотрела на него, а не на обступавшие дорогу деревья. Шершень нахмурился. – Знаешь, я раньше с вашей братией дел особо не имел, но, кажется, понимаю, почему вас не любят.

– А тебя, получается, любят?

– Обожают! – ответил он и улыбнулся во все зубы. Она фыркнула.

– Опять паясничаешь. Ну-ну. Но ты продолжай. У тебя голос приятный, дополняет звуки природы.

– Да ну тебя. Вообще больше с тобой разговаривать не буду.

Кэйлани сдержанно улыбнулась и откинулась на жесткую спинку скамьи, прячась в густой тени навеса. Шершень отвернулся, демонстративно уставившись вперед. Прикрикнул на конягу, чтобы ускорил шаг, хотя торопиться было особо некуда – до ближайшей деревеньки еще далеко, а до Дельты и вовсе целый день придется тащиться через леса и холмы.

Он молчал еще долго, но все-таки заскучал. Странно было ехать в тишине, когда рядом попутчица, но та словно и вовсе в разговорах не нуждалась. Наверное размышляла о своих еретиках, или вообще дремала.

– Кэй, можно тебя о чем-то спросить? – не выдержал он.

– Не называй меня так, я тебе не подружка. Что ты хочешь?

«Свернуть в лес, разложить на траве плащ, на плаще тебя и трахать до потери сознания», – мысленно ответил он и зажмурился от удовольствия, представив это во всех подробностях. Но она вряд ли оценит такое предложение. Ну, нет так нет, может, хоть поболтать получится.

– Почему в Алмазные гончие только женщин берут? Работенка-то грязная, опасная. Вот сейчас – послали тебя в Дельту, в самую глушь, одну...

– Отчего же одну? С тобой, – ухмыльнулась она. – Ты ведь знаешь, что мы... приводим приговор в исполнение. Женщина дает жизнь, она же и забирает.

– Забирают все, кому не лень! Дикость какая-то. Нет, мне этого не понять.

– Тебе и не нужно.

Он снова замолчал. Обиделся? Ну и пусть, это ненадолго. Не из тех, кто привык годами обиды возвращать. А вот рассказывать о себе она не желала. И не потому даже, что мирянам не следовало знать о порядках внутри Ордена.

«Предназначение женщины – дарить жизнь. Стать священным сосудом, – прозвучал в голове голос наставника. Так ясно, будто он стоял за спиной. Кэйлани едва удержалась, чтобы не обернуться. – Но не твое. Ты –местилище греха. Орудие для самой презренной работы. Руки твои в крови, а душа – в скверне...»

Внезапно почудилось, что он каким-то образом наблюдает за ней все это время. Хмурится неодобрительно, видя, как она треплется с наемником, обсуждает дела Ордена с дикарем из Дельты. И то, что она проделывала с этим дикарем вчерашним вечером, тоже видел.

«Шлюха, – презрительно сказал воображаемый наставник. Глубоко посаженные карие глаза на худом лице аскета смотрели с отвращением и в то же время печально, как всегда бывало, когда она разочаровывала его. – Шлюха и шлюхина дочь, дрянная порода. Нашла себе отраду, ублажать такую же грязную обезьяну, как и ты».

– Кэй? – голос наемника донесся будто издалека. – Ты обиделась? Я спросил о том, о чем нельзя?

– Ты мне больше нравишься, когда молчишь, – отрешенно отозвалась Кэйлани, пытаясь вырваться из липкой паутины воспоминаний.

– Я тебе нравлюсь?

«Чем же еще заниматься сосуду греха, как не ублажать обезьян? Значит, ублажу на совесть. Сделаю для него все, чему меня научили».

Как наяву она услышала свист хлыста – чего еще ожидать в ответ на такую дерзость? А потом будет келья, темная, пустая, тесная, с крохотным отверстием под самым потолком вместо окна, чтобы ничего не отвлекало и не мешало каяться в грехах. В последний раз, когда ее вывели оттуда, был солнечный полдень, и Кэйлани на минуту ослепла от яркого света. Сквозь дрожащую пелену она не видела глаз наставника, лишь почувствовала ласковое прикосновение его руки, вытирающей слезы. Тогда ей захотелось прижать его ладонь к щеке, продлить это мгновение столь редкой нежности...

«Его здесь нет и быть не может, – одернула она себя. – Он остался в нескольких днях пути отсюда, а я все вожу его с собой».

– Ладно, молчу, не дуйся только, – сказал наемник и отвернулся, понукая лошадь.

А Кэйлани захотелось, чтобы он говорил, пусть даже чушь, какую обычно нес, лишь бы отвлекал от дурных мыслей. Но, конечно, просить об этом не стала. Ничего. Это все от безделья и монотонной дорожной скуки. Скоро пройдет, когда станет не до того.

Коляску в очередной раз трянуло, и Кэйлани приложила спину, растревожив рану. Та отозвалась зудящей болью, вызвав воспоминания о теплой ладони наемника, нежно гладившей ее, чтобы успокоить. Ласка от руки, только что причинившей боль. Острые эмоции, которым невозможно сопротивляться.

Хотя кого она обманывает. Возможно. Она сама не пожелала. А теперь расплачивается, терзаясь виной. Потому что как бы далеко Алмазная гончая ни уехала от своих хозяев, они всегда незримо будут рядом. Следить за каждым ее шагом глазами случайных прохожих, а если их нет – ее собственными глазами. Рано или поздно за все придется держать ответ, и так будет до тех пор, пока она жива, а быть может и после.

Лошадь поменяли в захолустной деревеньке – в этот раз Кэйлани не стала лезть на рожон и пытаться разговорить местных. Да и не было никого на улице, те, кто не ушел работать в поле, заперлись и носа не показывали, узнав, кого к ним занесло. Только собаки встретили их залихватистым лаем, и пару раз Шершень заметил любопытные детские мордашки, наблюдавшие из-за забора. Обедать в здешнем трактире не стали, у Алмазной гончей заведение доверия не вызвало.

– Может хоть выпьем по кружечке? – предложил Шершень. – У меня в горле пересохло, а ехать до самой ночи и все через лес.

– Той фляжки, что у тебя припрятана, довольно, чтобы утолить жажду. Не хватало еще у каждого куста останавливаться после их сомнительной бурды.

– Злая ты, – вздохнул он, забираясь на козлы. – Ничего, вот приедем в Дельту...

– Мы дело едем делать. Пока не закончим – никаких кружечек, кабаков, игровых притонов и девок. Ясно тебе?

Он покосился на нее через плечо. Строгая. Брови нахмурила и буравит взглядом. Неужели и впрямь думает, что на него нельзя положиться?

– Как скажешь, достопочтенная ади, – хмыкнул он. – Такое чувство, будто я не работать нанялся, а женился.

Конечно, она пропустила двусмысленность мимо ушей. Уселась поудобнее, достала свой веер и велела трогаться. Остаток пути провели в ленивом молчании: сморил послеполуденный зной. Дорога была скучной, тянулась то с горы, то в гору, сперва через выжженные солнцем холмы, потом снова нырнула в чащу леса, которая становилась все гуще. Буйные заросли дышали теплой влажностью. Казалось, в них никогда не ступала нога человека, настолько здешние места казались дикими. Приближались к Дельте.

Когда добрались до реки, солнце клонилось к закату. Потянуло прелой травой и свежестью, на дороге начали попадаться путники, конные и пешие. Ехали вдоль берега, мимо рыбацких лачуг, редких кабаков, возле которых разложили свои лотки торговцы вечерним уловом. Стадо буйволов спасалось в воде от насекомых. Мимо проплывала узкая длинная лодка – мальчишка в чересчур большой соломенной шляпе правил ею, отталкиваясь шестом.

– Добро пожаловать в Дельту, – возвестил Шершень, потягиваясь. Тело затекло от долгой поездки, но скоро они будут на месте. Это здорово поднимало настроение.

– Рано радуешься, еще даже не доехали, – отозвалась Кэйлани меланхолично.

Она смотрела на местных жителей и их домишки с тем же рассеянным равнодушием, с каким недавно разглядывала лес. Местная экзотика ее не интересовала, все, что занимало сейчас мысли – приличная кровать, съедобный ужин и лохань с горячей водой. Кэйлани фанатично ненавидела грязь, а грязи в ее работе было много, и ежевечерние омовения стали для нее ритуалом не менее важным, чем медитация.

Постоялый двор в крохотном поселении, жившем за счет проезжающих путников, оказался лучше, чем она ожидала. Не дворец, конечно, зато в харчевне кормили на редкость вкусно, о гостях заботились как могли – даже забрали испорченную одежду, пообещав к утру выстирать и заштопать.

Для ночлега предлагались отдельные комнаты в любом из двух длинных одноэтажных домов-бараков. Она сняла две по соседству. Обстановка скромная, но чисто, кровать застелена свежим бельем, окно выходит на реку и шум со двора почти не долетает. Корыто с горячей водой уже принесли, на спинке стула оставили полотенце.

– Завтра выезжаем до восхода солнца, а пока отдыхай. Только постарайся не ввязываться в неприятности, не хочу терять тут время, – распорядилась она и ушла к себе, не дожидаясь ответа.

Скрежета задвигавшегося засова Шершень не услышал. Улыбнулся – все-таки это немного неосмотрительно с ее стороны, мало ли, кто здесь шляется. Ничего. Он скоро вернется. Только смоем пот и дорожную пыль – негоже в таком виде идти к приличной девушке.

Кэйлани дописала письмо, дождалась, пока высохнут чернила, и хотела вложить его в конверт, но помешал наемник. Вошел без стука, запер дверь и остановился у порога, рассматривая ее. Увиденное ему явно нравилось: на ней была лишь невесомая ночная сорочка из шелка, отделанная полупрозрачным кружевом.

– Явился, – усмехнулась она, собирая бумаги стопочкой.

– Если б не пришел, ты бы обиделась.

– Не слишком ли ты о себе возомнил?

Он приблизился, встал за спиной, запустил пальцы в ее волосы, перебирая их на затылке. По коже сразу побежали мурашки, Кэйлани замешкалась, и наемник воспользовался этим, выхватил бумаги из рук.

– Что это? – спросил, отступая на шаг. – Документы? Кто такой Бейн Улу?

– Наш извозчик. Дай сюда, это тебя не касается.

– Ты стащила у покойника бумаги? Вот так номер! Зачем они тебе понадобились?

– Отправлю в столицу с письмом, чтобы Орден возместил его семье стоимость экипажа. Не хотела оставлять это полиции, так будет надежнее и быстрее. – Она отняла у него документы, сунула в конверт и кинула на стол. – Ты за этим пришел? О моих делах выспрашивать?

– Нет, – улыбнулся он, щуря бесстыжие зеленоватые глаза. – Рану твою осмотреть хотел.

Взял за руку, помогая подняться. Развернул спиной. Медленно снял сорочку, не касаясь, лишь скользя по коже шелковой тканью. Тихо присвистнул.

– Ого! Не продашь мне немного этой мази?

– Я не торговка. Подарю, если останется.

Она отошла и села на кровать, подобрав под себя ноги. Не отрывая от нее взгляда, наемник снял жилет. Бросил на пол. Расстегнул пояс с пистолетами и отправил следом. Приблизился, уселся рядом, нагнулся, чтобы разуться. Кэйлани наконец смогла целиком рассмотреть узор татуировок, змеящихся по смуглой коже. Тонкие линии множества шрамов на плечах и груди – старых, едва различимых. Дрался на ножах? Впрочем, неважно. Какая разница, чем он занимается. Она не хотела знать о нем лишнего, а лучше бы вовсе не знать ничего.

От наемника пахло чистым, молодым и здоровым телом, так приятно, что Кэйлани захотелось потереться об него как кошка и унести этот запах с собой. Повинуясь вдруг возникшему желанию, она соскользнула с постели, опустилась перед ним на пол. Отвела пальцы, расстегивавшие пуговицы на штанах.

– Ох, Кэй... Тебе правда нравится делать это?

Иногда ей правда нравилось. Вставать перед мужчиной на колени, чтобы доставить ему удовольствие... Такое бывало редко, только с теми, кто очень сильно ее привлекал, а наемник был по-настоящему хорош. И на этот раз можно не торопиться – вся ночь впереди. И не сдерживать себя – здесь не от кого прятаться.

Он не позволил ей дойти до конца, подхватил, положил на кровать, прижал своим телом, склонился так близко, что их дыхание смешалось, и Кэйлани потянулась к его губам, а он спросил:

– Как ты хочешь?

А она шепнула в ответ:

– Глубже.

И он поцеловал ее, жарко, не сдерживая страсть, заставляя потерять голову. Забыть о том, как обещала воображаемым наблюдателям показать грязной обезьяне все хитрости любовного искусства, которым ее научили. Просто позволить делать с собой все, что пожелает, чувствуя, как эта покорность сводит его с ума.

– Мне нравится, когда ты такая, – обводя пальцем ее позвонки, говорил он, когда Кэйлани лежала рядом и приходила в себя. Слушала, как понемногу замедляется бешеный стук сердца. – Ласковая. Послушная. Расслабленная. Моя нежная Кэй. Хочу любить тебя каждую ночь, как сегодня...

– Даже не думай, – отозвалась она, переворачиваясь на бок, чтобы посмотреть на наемника. – Мне было очень хорошо, ты и сам знаешь, но впредь я такого допустить не могу. Я и сейчас не должна была. Это мешает делу.

– Чем же? – Он убрал с ее лица прядь волос, заправил за ухо и положил ладонь на основание шеи. – Сама говорила, время отдыхать. Мы и отдыхаем.

– Не притворяйся, что не понимаешь! Я не могу нормально сосредоточиться. Однажды моя небрежность будет стоить нам жизни.

– Вовсе нет. Тебе просто не хватает ласки. Всем нужно по-разному: кто-то может вообще без этого прожить, кому-то довольно время от времени, а тебе – много. Когда твои потребности будут удовлетворены, думать о них станет незачем.

– А тебе самому? Сколько нужно? – зачем-то спросила Кэйлани. Рассуждения наемника вызвали досаду.

– Не волнуйся, на тебя хватит.

– Более идиотской теории я еще в жизни...

– Перестань! Не надо злиться. Лучше иди ко мне.

6.

Наемник пытался напроситься ночевать в ее постели. Кэйлани его, разумеется, выгнала и проснулась одна, задолго до рассвета, раньше даже, чем собиралась, хоть и не спала полночи. Ощущение сладкой ломоты в теле напомнило об этом прежде, чем она открыла глаза. Она потянулась и невольно улыбнулась, подумав о вчерашнем. Хорошо. Ей давно не было так хорошо. Наемник не соврал: он смог дать ей столько удовольствия, что Кэйлани хватило. Не то чтобы она отказалась повторить, но мысли об этом больше не казались навязчивыми, по крайней мере, пока.

«Возможно, он прав, и проще дать волю своим желаниям. Удовлетворять их, пока есть на это время, и успокаиваться, – размышляла она, пока одевалась. – Но тогда я гораздо быстрее потеряю к нему интерес. Ну и пусть, не жаль будет расставаться».

Постоялый двор уже проснулся. Или и вовсе никогда не спал – Кэйлани не удивилась бы. В харчевне горел свет, из открытых дверей доносился самый вкусный на свете запах свежвыпеченного хлеба. Она зашла в чисто прибранный зал, где уже сидели несколько ранних посетителей, и заказала молоко с булочками.

Дел у хозяйки пока было немного, и она охотно приняла приглашение выпить с гостьей кофе и немного поболтать. Добрая женщина, искренне, не напоказ. Опрятная, пахнущая выпечкой, еще не старая. С прямой спиной человека, наделенного внутренним достоинством, и приятной здоровой полнотой, говорящей о сытой спокойной жизни. Ей было нечего скрывать и нечего бояться, а в отношении хрупкой как девочка Кэй она явно испытывала инстинктивную тягу опекать и защитить. Как выяснилось, женщина вырастила троих дочерей, вот привычка и осталась.

– Залив Мараутанга? Как же, слыхала о тех местах. Глушь там страшная, захолустье. Тихо вроде, но чужим лучше не соваться – не любят они чужих. А последние месяцы и вовсе обособились. Давненько никто оттуда не приходил, и вестей не было. Да и какие у них вести...

– По моим сведениям, что-то в тех краях неладное творится. Якобы люди пропадали. Ничего об этом не слышали? – осторожно спросила Кэйлани, решив не посвящать женщину в подробности. Если и вправду ничего не знает, не нужно давать повод для новых сплетен.

– Это же Дельта, милая ади! Всякое случается.

Взгляд она при этом не отвела, оставалась спокойной и расслабленной. Ни единого признака лжи. Вероятно, просто не интересовалась слухами или ей было интереснее обсудить житейские неурядицы соседей.

– Если новости донеслись до столицы, значит, на этот раз случилось что-то похуже, чем обычно.

– Я наверняка не скажу, может и вранье это, но вроде мор у них был, – помявшись немного, произнесла наконец хозяйка. – Хворь какая-то нехорошая. Люди по сию пору стороной Мараутанга и его окрестности обходят, боятся, хотя у тех не хворают больше.

– Но почему тогда они скрывали? – удивилась Кэй. – Почему не обратились за помощью?

– Ой, да чего тут говорить, а то не ясно, какая она, та помощь! – отмахнулась хозяйка и подперла ладонью круглую щеку. – Понаставят кордонов по округе, если не всю Дельту оцепят, да будут ждать, пока внутри даже собаки не передохнут. Кому мы тут нужны, помогать нам.

Кэлани спорить не стала, понимая, откуда берутся подобные настроения. Память о моровой язве. Сама она была тогда совсем ребенком, но эпидемию помнила. И как дороги перекрыли, и как горы мертвых тел в ямах жгли. И как ловили каких-то оборванцев на улицах, а горожане их прятать боялись...

– Мор, значит, был, – задумчиво повторила она, непроизвольно, по давно выработанной привычке копируя жест собеседницы. – А сейчас, выходит, прекратился.

– Почем мне знать? Главное, дальше не пошел. – Внезапно хозяйка взглянула на Алмазную гончую с сожалением и покачала головой. Голос ее изменился, стал тихим и ласковым. – Ты бы тоже обошла то место десятой дорогой, дочка. Хворь ли, демоны ли тамошних пожрали, их это беда, сами справятся. Никто туда давно уж не ездит, и тебе не надо.

– Надо, – отозвалась Кэйлани. Столь искренняя забота удивила ее. – Служба у меня такая.

– Ну, коли служба... Ладно, засиделась я с тобой. У меня ведь тоже служба, проезжих кормить. Вон, друг твой пришел.

Кэйлани сама знала, что пришел. Не глядя почувствовала: наемник рядом. Она создала с ним связь, случайно, такое бывает во время близости, если любовник жаждет обладать ею слишком сильно, а она расслабится и потеряет контроль. Как вчерашней ночью. Теперь будет проще друг друга понимать, что, несомненно, поможет сработаться, вот только хочет ли она подпускать его так близко?

– Ниа, завтраком накормите? – спросил он, усаживаясь напротив Кэйлани. С неприязнью взглянул на огрызок булочки и стакан из-под молока. – Только не как ее, а чтоб до ужина хватило.

– Сию же минуту, анакку, – приветливо отозвалась хозяйка и удалилась.

Прикрыв веки, Кэйлани сосредоточила внимание на его теле, поймала ритмы дыхания, биения сердца и стала подстраивать под него свои. Просто так, воспользовавшись случаем лишний раз потренировать навык.

– Кэй, – сказал наемник тихонько, и она поняла, что он очень хочет до нее дотронуться.

– Не называй меня так, мы не в спальне, – одернула она, не открывая глаз. Убрала руки на колени прежде, чем он дотянулся.

– Так пойдем в спальню, – отозвался он вкрадчиво.

В голосе томные, бархатные нотки. Она его и раньше привлекала, а теперь, когда на него настроилась, должна казаться самым очаровательным существом на свете. Кэйлани улавливала его желания, ощущала, как кровь понемногу разгонялась по венам – то же происходило и с ней. Позволила себе на минуту насладиться этим и волевым усилием замедлила пульс, успокоила мысли.

Нет. Разрывать связь она не станет, по крайней мере, не сейчас.

– Ешь свой завтрак и поехали. Сегодня мы должны добраться до Бану Солара, там остановимся на пару дней. Наведем справки, подготовимся.

Взметнулись длинные ресницы, огонек лампы отразился в медовых глазах, дрогнул и рассыпался ярко-рыжими искрами.

– Купальни, – мечтательно проговорил Шершень, не отводя взгляда от ее лица. Какая она все-таки милая, весь день бы любовался. – Отличный выбор. Кто там не бывал, считай, зря в Дельту съездил. Надеюсь, у тебя нет предрассудков? Свою в лучшие местечки, обслужат по высшему разряду...

– Ты бы не о шлюхах думал, а где нам хорошую лодку достать.

– Шлюхи могут рассказать много всего интересного, если сумеешь договориться, – парировал он.

В ответ Кэй нахмурилась, и у него словно иней под кожей застыл. Странно. Она, конечно, девочка сладкая, но почему его то в жар, то в холод бросает? И спорить ни о чем не хочется, лучше сидеть да в рот ей глядеть, чтобы не огорчалась только.

– Эй, ты что-то со мной сделала? – спросил подозрительно, а она рассмеялась в ответ.

– А ты чуткий! Не нервничай, мне это неприятно. Сам ведь хотел, чтобы мы были близки.

– Вот только под кожу ко мне не лезь, – огрызнулся Шершень, понимая, что злость тает, как туман, и ему приходится насильно удерживать ее. – Прекрати. Я серьезно.

– Не сопротивляйся. Это всего лишь связь, мы чувствуем друг друга. Только я умею ей управлять, а ты нет.

– Управлять? Нет уж, моя сладкая, этот номер не пройдет!

– Да не дергайся ты. Ничего я не сделаю. Это удобно, сам увидишь. Ну что ты такой недоверчивый?

Она улыбалась. Искренне и немного нервно – Шершень вдруг с удивлением понял, что слышит отголоски ее чувств. Наверное, поэтому и перестала изображать из себя мраморную статую, раз он ей тоже в душу может заглянуть.

Ему в самом деле захотелось ей довериться. Потому что она такая красивая и славная, и так волшебна хороша в постели. Потому что он вообще никогда, никому и ничему не доверял, кроме своих пистолетов и счета в банке, так чего бы не попробовать, наверняка в этом есть особое удовольствие. И кто знает, какие еще штуки умеет эта странная девчонка. Ведь не просто так ее все вокруг боятся, даже разбойники на лесной дороге связываться не стали.

Глядя в прекрасные глаза, Шершень ясно осознал – случись что, он с ней не сладит. С малюткой Кэй, с которой ночью беспрепятственно творил что хотел.

– Кто же ты, черт возьми, такая? – пробормотал он задумчиво. А она лишь хитро прищурилась в ответ.

– Разве тебе не говорили, что будет непросто? Предупреждали ведь. А ты не принимал всерьез, не правда ли? Думал только об оплате. И после... я же просила – не нужно меня соблазнять. А ты не послушал.

– Выходит, у тебя со всеми, с кем...

– Нет. Только с теми, кто сам в глубине души этого желает. И с кем я хочу это сделать, конечно. Ты ешь, до ужина нескоро еще.

Лодку Шершень нанял самую роскошную. Большую, просторную, ходкую, с тенистой беседкой для пассажиров, в которой так приятно сидеть в прохладе на вышитых подушках и вокруг глядеть. Решил показать Кэй Дельту с лучшей стороны, хотя бы поначалу. На нищету и дикость насмотрится еще.

Они неторопливо плыли вверх по реке, широко разливавшейся в этом месте, мимо домиков с соломенными крышами, шагнувших в воду на сваях, мимо рыболовных мостков, зарослей тростника, фруктовых деревьев, склоняющих ветви под тяжестью налившихся сладким соком плодов. За деревней у берега росло целое поле лотосов, нежные розовые цветы распустились навстречу солнцу. Когда подплыли близко, Шершень дотянулся, сорвал один и вручил Кэй. Та понюхала и положила рядом с собой.

– Спасибо. Это очень мило.

Осторожно, все еще не понимая, как оно работает, Шершень прислушался к ней. Равнодушное спокойствие. Кэй любовалась рекой, погружившись в тихое мирное созерцание, не переживая ни о чем.

– Нравится здесь? – спросил он. Она задумчиво кивнула в ответ.

– Знаешь, о чем я думаю? Вот бы бросить все, сесть в лодку, и пусть река ее несет. Плыть и плыть, до самого моря... – спустя некоторое время проговорила Кэйлани. Глаза ее отражали утренний свет и казались ярче, почти оранжевыми. Как у дикой кошки.

– Я однажды так и сделал. До моря не доплыл, конечно, но бросил все и сел в лодку.

– Ах, да... Ты ведь родом отсюда. Давно это было? И почему – плохо обращались в семье?

Шершень покосился на Алмазную гончую – смотрит, ответа ждет. Скучно ей что ли стало? Не в ее характере из вежливости спрашивать, а на личный интерес к своей персоне он и не надеялся. Со стороны Кэй тот интерес за пределы койки не выходил, не того он полета птица. Он все понимал, не дурак, и не злился на нее, что уж теперь.

Хотя... Он окинул взглядом маленькую фигурку, закутанную в несколько слоев одежды. Шершень легко мог вообразить все, что спрятано под ними. Мягкие розовые пяточки, которые она сейчас подобрала под себя. Тонкие лодыжки. Длинные стройные икры, гладкие и сильные.

Узкие колени, а выше – одно из ее секретных чувствительных местечек, нежная кожа внутренней стороны бедер, и на левой еще должен оставаться вчерашний след от укуса. А еще выше...

– Эй, ты меня слушаешь? Или только пялишься всю дорогу?

– Сама должна знать, раз в голову ко мне забралась.

– Не в большей мере, чем ты в мою. Если столкнемся с настоящими проблемами, сам еще не раз спасибо скажешь, – улыбнулась она, подсаживаясь ближе, так, что едва не коснулась его коленями. – Давай потренируемся, пока мы одни. Я перед тобой раскроюсь, а ты попробуй меня почувствовать, идет? Вот и прекрасно. Тогда рассказывай дальше.

– Что именно? – не сообразил Шершень, пытаясь уловить ощущение ее эмоций.

Все те же уверенность и покой, только еле заметное раздражение добавилось. Будто опасается чего-то. Шершень решил, раз не выставляет напоказ, значит, это не для него предназначено, и не попытался угадать, что ее нервирует. И без того сложно было. Непривычно и неуютно.

– Почему решил сбежать из Дельты? Ты ведь сбежал, не так ли?

– А ты раньше тут бывала? Нет? Вот когда в глухомань заберемся, тогда и задашь этот вопрос, если сама не поймешь к тому времени.

Он не желал ни говорить, ни вспоминать об этом, но память сама предательски подсунула знакомые картинки. Деревня у реки, одна из вереницы таких же деревень – провонявших рыбой, прелью и гниющими раковинами речных устриц, вечно сырых, душных, малярийных. Плавающий рынок. Надоевшие до тошноты одни и те же лица. Влажные простыни, застиранные до прорех. Сочащиеся сукровицей укусы лесных пиявок и незаживающие мозоли от сетей, которые таскаешь по утрам и вечерам, каждый день, много-много дней подряд...

– Не хочешь отвечать? Твое право. И что ты делал потом? Не сразу ведь наемником стал, как я понимаю.

– Выживал. Я ж совсем щенком был, ничего не умел, никого не знал. Податься было некуда. Бродяжничал, попрошайничал, воровал. Вряд ли тебе интересны подробности.

Так оно и было. Сменив лесные тропы на трущобы больших городов, особой разницы он не обнаружил. Те же хищники и та же добыча, съедобная или ценная, за которую приходилось иногда и подражаться. Быстро привык, приспособился, а ловкость и удачу ему боги в день рождения подарили. Но как-то раз он умудрился попасться на глаза человеку по имени Сонтхи, известному устройщику подпольных боев. Был пойман, отлуплен для лучшей сговорчивости, отмыт, накормлен и обучен драться так, как на его родных болотах отродясь никто не умел.

Дрался Шершень хорошо. Как оказалось, слишком. Вместо свободы он в еще худшую кабалу попал, порой думал – все, амба, завтра не проснется. Но всякий раз просыпался, срачивал раны, сплевывал кровь, вставал и жил дальше, жил всем чертям назло. Чтобы все-таки вырасти, заматереть и стать наконец самому себе хозяином. Вольным наемником. Шершнем.

– Тяжело тебе пришлось, – тихонько сказала Кэй.

В голосе звучало сочувствие, а в сердце его не было ни тени. Он это чуял, видимо, она совсем прятаться перестала. Но что-то он ощутил все равно, что-то теплое. Ласковое. Вроде доверия или расположения. Он не был ей безразличен, она не желала ему зла, более того, его прошлое и вправду было ей любопытно, а близость – приятна.

– Это и есть связь, – пояснила Кэй, когда он сказал об этом. – Чтобы хорошо тебя чувствовать, мне и самой приходится открываться. Правда, я умею брать эмоции под контроль – намерения, не окрашенные ими, ты не увидишь, но без нужды так делать не стану. Хочу, чтобы ты мне доверял. Так ведь будет честно, да?

Ее маленькие белые ладони с тонкими пальцами спокойно лежали на коленях. Шершень потянулся взять ее за руку, но Кэй опередила, поймала его кисть, переплелась в воздухе пальцами. В глазах загорелись таинственные огоньки.

– Выходит, у нас теперь все чувства общие? – спросил Шершень, чуть сильнее сжимая ее руку. – Как там говорят: и печаль, и радость на двоих... Почти как любовь или вроде того?

– Не знаю. Может и так.

Наверное, любить ей церковь запрещает. А то бы давно влюбилась в какого-нибудь хлыща, бросила службу и детишек с ним нарожала, все они только об этом и мечтают, даже если не признаются. Но зато кое-что другое можно. Значит, грех не воспользоваться.

Еще до того, как он шевельнулся, губы Кэй приоткрылись навстречу – почувала. Шершень погладил ее щеку, обвел пальцем контур губ, а потом поцеловал. Сперва нежно, бережно, едва касаясь. Чувствуя, как разгорается ее желание. Чем сильнее оно росло, тем горячее становился поцелуй, и вот уже ее ловкий язычок хозяйничает у него во рту, а тело жмется ближе, требуя прикосновений.

А потом – сожаление, что приходится прерваться. Дрожь по коже. И это одновременно приятное и раздражающее ощущение внизу, от которого хочется поерзать. Да она вспыхивает как порох! Тяжело, должно быть, если всякий раз...

– Это я тоже умею контролировать, – предвосхищая вопросы, проговорила Кэй спокойным голосом. Внешне взрыв страсти вообще никак не проявлялся, разве что губы стали чуть ярче, а в глазах появился едва заметный блеск. – Просто решила тебе показать. На этом закончим: нас могут увидеть.

Шершню было все равно. Ну, увидят, что с того? Местные часто развлекаются таким образом, он и сам в детстве не раз набредал на прибившуюся к берегу лодку с заснувшей парочкой на дне. Но спорить не было смысла: еще немного, и доплывут до Бану Солара, а более подходящего места, чтобы предаться разврату, поищи – не найдешь. Может, в мире есть и получше, но Шершень пока не встречал.

7.

Бану Солар. Жемчужина Дельты. Чертоги порока, затерянные среди лесов, поражающие неожиданной роскошью, особенно бесстыдной на фоне жалких рыбацких лачуг. Возведенные на просторном поле с множеством источников – горячих и ледяных, питающих знаменитые купальни, где в любое время можно принять обжигающую ванну или нырнуть в ледяной бассейн. А заодно позвать костоправа или девку, выпить, покутить и развлечься. Здесь играли в карты и кости, заключали всевозможные пари, затевали драки и оргии. Дельта прощала все. В ней царили свои законы, главный из которых гласил: плати либо уходи. Ну и не связывайся с местными – даже за оплеуху, отвешенную самой дешевой шлюхе, рискуешь недосчитаться зубов, а то и пальцев.

В Купальнях никогда не гасли огни. Не затихали голоса и музыка. По реке день и ночь сновали лодки торговцев и перевозчиков. Из плавучих ресторанов доносились запахи изысканных блюд. Стены на берегу сияли белоснежным мрамором, украшенные причудливой резьбой, а уютные террасы манили отдохнуть в тени виноградных листьев и выпить чего-нибудь прохладительного.

– Ты хорошо знаешь это место? – спросила Кэйлани, с интересом наблюдая за суетой вокруг.

– Достаточно, – отозвался наемник и указал в сторону труб, из которых, паря, неиссякаемым потоком извергались сточные воды. – Говорят, если искупаться здесь в реке, можно забеременеть.

– Первым делом нам нужно где-то остановиться, а после я бы хотела осмотреться немного, – проигнорировав грубую шутку, продолжила Кэйлани. – Попытаться разузнать хоть что-нибудь. Полагаю, здесь это не составит особого труда, достаточно будет заплатить.

– Позволь, я буду твоим проводником. Не беспокойся ни о чем, я все устрою, а пока наслаждайся лучшим заведением Бану Солара.

– Но...

– Никаких «но», – перебил он тоном, не терпящим возражений. – Там и пообедаем.

Кэйлани присматривалась к увитому цветами плавучему ресторанчику, откуда звучала приятная тихая музыка, но спорить не стала. Успеется. Она планировала остаться тут на два дня. А может и на три – если обнаружит хоть какой-то след. Но сейчас так хотелось поддаться уговорам. Отдохнуть, понежиться в горячем источнике, взять девочку, чтобы размяла затекшие в пути ноги и спину и натерла тело маслами. Расслабиться.

В лучшее заведение Бану Солара можно было попасть прямо с воды, причалив к расписным мосткам. Здоровенный смуглый детина, голый по пояс, сплошь покрытый разноцветными татуировками с изображением драконов и цветов, помог выбраться из лодки и взял багаж.

– На всякий случай, чтоб ты была в курсе – у них другие порядки, – пояснил Шершень, пока они шли по тенистой галерее. – Деньги берут девочки, а не хозяйка, ей они отдают процент. Там везде такие круглые столики будут, на них оставляют плату, сразу. Щедро оставишь – старательнее отработают.

– Спасибо за занимательные факты, – усмехнулась Кэй. – Получается, девицы здесь в гораздо лучших условиях, если не принимать в расчет местные нравы.

– Это в тебе предрассудки говорят. Столичные аристократы такие извращения порой выдумывают – простому люду фантазии не хватит! А найти на них управу... Сама понимаешь. Здесь же люди часто пропадают без следа, и все об этом помнят, стараются лишний раз не нарваться. Но мы уже пришли, сама все увидишь. Тебе понравится.

Просторный салон весь был бело-розовым, мраморным и атласным. Зеркала, благоухающие цветы, на серебряном подносе – золотистое вино, фрукты на льду, хрустальные бокалы.

Окна устроены так, чтобы целый день гостей оведало прохладой с реки. Ниям, невысокая изящная женщина с красивыми темными глазами на высохшем оливково-смуглом лице, разодетая в шелка и увешанная драгоценностями, вышла встретить гостей. Шершня она знала, хоть он здесь нечасто бывал. Как выяснилось, не только его.

– Лани! Милая моя, ты ли это? – всплеснув руками, унизанными массивными кольцами, воскликнула она. – Как много воды утекло... А ты все та же, даже еще краше стала.

– Юи! Значит, вот где вы теперь, – Кэй обнялась с ней, как с близкой подругой. Она действительно была рада встрече, Шершень это уловил. – Я так тревожилась, когда вы исчезли. Но сейчас... Все хорошо, ведь правда?

– Все чудесно, дорогая. Я даже почти не скучаю по столице, да и хочется немного покоя, в моем-то возрасте... Почему ты с ним? – не меняя тона вдруг спросила она, взмахнув густо начерченными ресницами в сторону Шершня.

– Нанялся моим проводником по Дельте. Дела службы.

Подробностей Кэй не сообщила, а хозяйка не спрашивала – в чужие дела тут не лезут. Надо же. Шершень и не догадался бы, что она из столицы приехала. Интересно, что может связывать ниям из борделя и Алмазную гончую? Слишком странно для дружбы, и вообще, непохоже, чтоб у колючки Кэй были друзья. Она одиночка, с первого взгляда ясно.

– Но вы пришли отдохнуть, а не слушать истории из моей скучной жизни. Проводить вас в купальни? Или сперва желаете подкрепиться? – взгляд Юи упал на вещи в руках помощника. – Только сошли на берег? Я сговорюсь о хорошем доме, багаж доставят...

– Я бы предпочла остановиться у вас, если не стесним, конечно, – неожиданно попросила Кэй. Шершень посмотрел на нее удивленно, Юи – с пониманием кивнула и ответила, что будет рада принять их.

– Вот и славно. А теперь, почтенная ниям, организуйте нам все как следует. Пришлите пару-тройку девочек, только чтоб самых красивых. И массажистку, лучшую. И пусть подадут виноградного вина, – сказал Шершень.

– Лучшая пока занята, все остальное к вашим услугам.

Но Кэй заартачилась и идти отказалась, якобы ей очень надо было с хозяйкой поговорить. Он понял – уламывать бесполезно. Выгонят. Говорить они будут наедине. С трудом сдержал разочарование: он ведь на самом деле не шлюх хотел, а ее, да так, что для других в мыслях места не оставалось. И не когда-нибудь, а сейчас, пока не перегорело. Она конечно же все это почуяла, взглянула искоса, усмехнулась. Неужели дразнить его нравится? Ну так всегда пожалуйста, ему не жалко. Даже рад: выходит, ей не все равно...

– Спишь с ним? – спросила Юи, когда наемник ушел вслед за девицей, прозрачное одеяние которой скорее подчеркивало, чем скрывало наготу. Кэйлани кивнула. – Понимаю. Мальчик манкий, сложно устоять. Вот и девочкам моим нравится. Смотри только, не увлекайся, он из тех, кто как кобель – бежит за каждой сукой, что попала на глаза.

– Мне все равно. Уедем из Дельты, и пусть бежит куда угодно. Так даже лучше, вы ведь знаете.

– Знаю. Потому и спросила. Мне показалось, что вы близки. – Юи жестом пригласила гостью следовать за собой и вышла на балкончик, окруженный завесой из цветущих орхидей. – Ты была моей любимой ученицей, Лани. Я слишком хорошо помню, как это было, и до сих пор жалею тебя.

– Я тоже помню, Юи. Вы всегда были ко мне добры, этого я никогда не забуду. А с наемником у нас близость иного рода, я сама ее сделала. Так проще, и я могу быть в нем уверена.

– А, ваши церковные штучки. Тогда сочувствие вызывает наемник. Неужели совсем его не жаль? Нет? Тогда я спокойна. Пожалуй, тебе понравится мой маленький сюрприз – скоро все будет готово, и мы сможем продолжить беседу, наслаждаясь самым интересным здесь видом. А

пока давай-ка выпьем по стаканчику, и ты мне расскажешь, чего ради, демоны их всех задери, тебя отправили в Дельту.

Сюрприз и впрямь оказался неожиданным, но вполне в духе затейницы Юи. Она привела Кэйлани в маленькую комнатку, одна стена которой была занавешена бархатными портьерами, как сцена театра. На низком столике подали чай со льдом и мороженое – невероятная роскошь для такой глуши. Когда хозяйка и гостья расположились на подушках, девочка-служанка дернула шнурок, раздвигая шторы, поклонилась и ушла.

За полностью прозрачной стеной Кэйлани увидела одну из купален, где в бассейне, откинувшись на бортик, нежился ее наемник. Мокрые темно-рыжие волосы были заплетены в мелкие косы и собраны в пучок на затылке – должно быть, шлюхи постарались. Сами шлюхи, две полностью обнаженные девицы, сидели напротив, болтая ногами в воде, и над чем-то смеялись.

– Они нас не видят и не слышат, с другой стороны зеркало, – предупредила Юи, наливая чай. – А теперь спрашивай. Ты ведь что-то хотела узнать, не так ли?

За прозрачной стеной Шершень выбрался из горячей ванны, стоял спиной к невидимым зрительницам, и девицы вытирали его пушистыми полотенцами. Красивые, как и просил: одна светловолосая, белокожая, длинноногая и тонкая, как подросток, другая – смуглая брюнетка с яркими пухлыми губами и роскошной грудью, которая не поместилась бы ни в одну мужскую ладонь. Девочки улыбались и ласкались к наемнику, как и говорила Юи, он явно им нравился. Они ему тоже – Кэйлани не понадобилась бы связь, чтобы это понять.

– Залив Мараутанга... Три деревеньки в самой глубине Дельты. Река там делится на множество рукавов, самый широкий петлей уходит далеко в лес и разливается большим озером. Кроме как в тех деревнях вокруг никто не живет, разве что демоны и дикие звери. Непроходимая чаща, гиблые малярийные болота... Только возле Мараутанга и можно поселиться, там земля сухая и вода чистая, без гнили. К тому же есть еще кое-что. Тебе ведь рассказали о местной дряни, грибном наркотике?

– Вытяжка из грибов и сок некоторых местных растений. Вызывает длительную эйфорию, бред и привыкание, – не задумываясь ответила Кэйлани. – Думаете, дело в нем?

– Вряд ли. И лезть в это не советую, тем более, такими делами ведает полиция, а не церковь. Просто чтобы ты знала, чем они промышляют и почему не хотят лишнее внимание привлекать. Народ в Дельте к чужакам относится настороженно, а в тех деревнях и вовсе никому не рады. Обособились, завели свои порядки, даже в жены девушек со стороны неохотно берут, только чтобы не выродиться совсем, – продолжала Юи, лениво поглядывая на происходящее в купальне. – Ммм, какая у него...

– Получается, они давно уже никого не пускают? – перебила Кэйлани, стараясь не проявлять чрезмерного интереса к наемнику.

Это оказалось нелегко, ведь она могла не просто за ним подсматривать и от соблазна прочитать эмоции, конечно, не удержалась. Осторожно, чтобы не выдать себя, Кэйлани прислушивалась – он был совсем рядом, а для особого чутья несколько слоев стекла не преграда.

Тем временем он улегся на низкую кушетку и наблюдал, как блондинка намазывает подружку маслом: льет тонкой струйкой на ключицы, и та выгибается в спине, подставляя умопомрачительную грудь. Блондинка убрала флакон и взялась помогать, заскользила по бронзовой коже узкими белыми ладонями, умело и эффектно лаская. Еще немного – и вот они извиваются в объятьях друг о друга, блестящие от масла, а потом целуются, страстно, напоказ, сплетаясь языками – не исключено, что наемник попросил. Потому что зрелище его возбуждало. Кэйлани ясно чувствовала это.

– Пускают, жить ведь на что-то надо, приходится торговлю вести. Ты только не думай, что они всегда были ненормальными, даже если кто-то станет наговаривать, не слушай. Люди вообще любят перемывать друг другу кости, а уж тем, кто держится особняком, и подавно. Но я наверняка знаю, что это не так. Единственной их странностью было нежелание уйти из тех

краев и поселиться где получше. И то – некоторые уходили... Когда-то. Давно никто оттуда к нам не заглядывал. А ведь раньше навевались в купальни, нечасто, но все же.

Черненькая девица забралась на наемника и натирала его маслом. Без помощи рук. Беленькая сидела рядом и массировала его плечи. Он лежал на животе, подложив руки под голову. Легкая улыбка на губах. Прикрытые веки, чуть подрагивающие ресницы. Отражение удовольствия на лице.

– Хочешь к ним, анакка? – перебив саму себя, предложила Юи. – Мы можем продолжить разговор после. Я никуда не тороплюсь, да и тебе, поверь, незачем. Лишний день, а то и неделя, вряд ли что-то изменят.

– Благодарю вас, наставница, – по старой, казалось, давно забытой привычке, откликнулась Кэйлани. С неохотой перевела взгляд с приоткрытых в чувственной ухмылке губ на собеседницу. – Вы правы, мне торопиться незачем. С ним, – легкий кивок в сторону наемника, – так уж точно. Но если беседа вас утомила или отвлекает от чего-то важного...

– Вовсе нет. Я искренне рада тебя видеть и хочу помочь чем сумею. Правда, лучшее, что я могла бы сделать – отговорить ехать туда. Такие места не для тебя, Лани. Конечно, помощника они выбрали удачно, и я сейчас не о его мужских статях – он знает свое дело и знает Дельту. Надеюсь, останется верен обязательствам и не бросит тебя, когда попадешь в беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.